

18+

Юлия
ГАУФ

Он

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

НЕ ОТПУСТИТ

Юлия Гауф

Он не отпустит

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69513631

SelfPub; 2023

Аннотация

– Имя-то дочке выбрала? – спросил папа. – Может, Юля? – Мне нравится, – пожала я плечами, и выскользнула из дома. Опустила ладонь на живот – она там, моя дочь. Дочь, которую я должна любить. Дочь, которая не виновата ни в чем. А я ничего не чувствую. Абсолютно. Если бы я забеременела в любой другой день, не в тех обстоятельствах... если бы, Боже! Расправила плечи, и подошла к подъезду, а там... он! – Слава, – выдохнул Игнат. Его взгляд опустился с моего лица ниже, на увеличившуюся грудь, на живот. И он шагнул ко мне. – Не подходи, – прошептала я. Трясет всю от паники, колотит. Может, я брежу? Он не мог после всего прийти ко мне просто так! – Не подходи, – повторила я, отступая. – Мне придется подойти. Ты моя, ребенок тоже. Я приехал за вами.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	28
Глава 5	33
Глава 6	41
Глава 7	50
Глава 8	56
Глава 9	65
Глава 10	72
Глава 11	80
Глава 12	87
Глава 13	93
Глава 14	99
Глава 15	106
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Юлия Гауф

Он не отпустит

Пролог

– Спасибо, – я проводила курьера, и закрыла входную дверь.

Опустила ладонь на живот – он там, толкается. Мой ребенок. До сих пор поверить не могу, что забеременела.

Почему именно в тот день, ставший концом? Почему я забеременела не раньше – не при таких обстоятельствах?

Я бы смогла полюбить своего ребенка, я бы обожала его всей душой, несмотря на то что мы с его отцом расстались, если бы он не... если бы я забеременела не в тот день, когда он вышвырнул меня.

Может, получится забыть? Ребенок ведь не виноват ни в чем. Дочь еще не родилась, я не должна ее обвинять, я и не обвиняю. Я просто ничего не чувствую к ней.

Погладила живот, и... ничего.

– Славушка, идем, – мама показалась в коридоре, и помашила меня в комнату. – Антон с Юрой собирают манеж, давай посмотрим. Мужчин нужно контролировать и вдохновлять.

Я улыбнулась маме, и направилась в свою спальню. Она преобразилась, курьер привез сборный манеж, приставную колыбель, и все это сейчас в моей комнате. А раньше здесь висели постеры с любимыми певцами.

Я присела на кровать, наблюдая, как папа с братом с энтузиазмом собирают манеж. Готовятся. Радуются. Только мама поглядывает на меня с тревогой. Она все эти месяцы на меня так смотрит, все то время, что прошло после моего возвращения домой. Я ничего ей не рассказывала, сначала даже о беременности своей не говорила.

Стыдно было – перед мамой, перед отцом. Отпустили дочь отдохнуть, называется. Уже потом, когда поняла, что ребенка оставлю, призналась. Папа не осудил. Расспрашивал, от кого, но трясти не стал.

А мама только грустно смотрела на меня, и тревоги в ее взгляде становилось с каждым днем все больше, и больше. Неужели, она чувствует, что происходит со мной? Неужели, мои улыбки ее не обманывают?

– Имя-то дочке выбрала? – спросил папа.

– Может, Зоя? – сестренка села рядом со мной, и спросила: – Можно?

Я кивнула, и она положила ладонь на мой живот. Улыбнулась трогательно, и мне горько стало: почему я не могу радоваться? Я ведь так хотела детей именно от Игната! Безумно хотела, грезилась этим мужчиной.

Если бы я забеременела в любой другой день, не в тех об-

стоятельствах... если бы, Боже!

– Анастасия? – предложила сестра. – Или, ой, подожди, Кристина.

– Юля? – взглянул на меня папа, и я кивнула.

– Мне нравится. Пусть будет Юля.

– Ты даже не выбирала сама. Пусть будет! Ну как так, Слав?! – возмутилась сестра. – Будь я на твоём месте, я бы с самого начала имя выбирать, а ты...

– Ты на месте Славы ещё очень долго не будешь, – строго перебил папа. – Ольга, напомню, вам пятнадцать лет, барышня! Какие дети? В куклы иди играть.

– Славке восемнадцать, всего-то три года разницы, – фыркнула мелкая. – Я в восемнадцать тоже ребенка хочу, это же счастье.

– Я пойду мусор вынесу, – поднялась с кровати, подошла к картону от упаковки.

– Я сам, милая.

– Пап, мне не тяжело, и я хочу пройтись, – торопливо пробормотала, и прошмыгнула мимо мамы.

Все что угодно, лишь бы поскорее остаться в одиночестве. Все эти месяцы в моем сердце царит стыд. Папа нас обожает, мама не устает повторять, как он хотел всех нас. Мама тоже детьми грезила, даже моя маленькая сестра-подросток.

И я такой была. Когда Игната увидела – сразу поняла, что это моё. То самое, когда сразу, и на всю жизнь. Свадьбу хотела, детей. Всё с ним хотела, и вот...

– Ну, ребенка я от него получила, – выдохнула я, спускаясь в лифте на первый этаж.

Под мышкой листы картона, на ногах удобные кроксы, а в сердце настоящая буря. Она уже который месяц не успокаивается от понимания: я – та самая девушка, которая не может принять собственного ребенка.

Наверное, я сгорю за это в аду.

Выбросила картон, и медленным шагом отправилась в дом. Мимо лавочек со старушками, с молодыми мамочками с колясками. Скоро и я так буду: выходить на солнышко с дочкой, чтобы погреться; гулять с ней в парке; кормить, укачивать ее, и... и она ни в чем не виновата. Не виновата в том, как поступил со мной ее отец!

Я полюблю. Обязательно полюблю своего ребенка, иначе что же я за сволочь такая? А если не полюблю, то она никогда этого не почувствует. Не узнает. Я буду целовать ее, обнимать, утешать, играть, делать все то, что делала моя мама, и продолжает делать. Но дочь никогда не поймет, что я чувствую, я позабочусь об этом.

Расправила плечи, и подошла к подъезду, а там...

– Слава, – выдохнул Игнат.

Его взгляд опустился с моего лица ниже, на увеличившуюся грудь, на живот. И он шагнул ко мне.

– Не подходи, – прошептала я.

Трясет всю от паники, колотит. Может, я брежу? Он не мог после всего прийти ко мне просто так!

– Не подходи, – повторила я, отступая.

– Мне придется подойти. Ты моя, ребенок тоже. Я приехал за вами, – услышала я, проваливаясь в темноту.

Глава 1

8 месяцев назад

Бегу. Уже задыхаюсь, нога болит невыносимо. За мной даже никто не гонится, а я бегу по Питеру, и не могу остановиться, несмотря на то что бегать мне нельзя.

Говорят, что дочери повторяют судьбы матерей, вот и я повторила – нога больная, на генеральном прогоне «Баядерки» я получила два разрыва ахиллова сухожилия. С балетом на время пришлось попрощаться, учиться ходить заново, и надеяться, что смогу выйти на сцену.

Родители потому и отпустили меня в Питер – чтобы я развеялась, чтобы прекратила жалеть себя. А подруга, с которой я поехала, затащила нас обеих в квартиру своих знакомых.

Знакомые оказались так себе. Бежать от таких знакомых нужно.

Избалованные сволочи, считающие, что им все можно. Раздвигай ноги, девочка... богатые, взрослые ублюдки!

И я сбежала. В Питере мы с родителями были не раз, но от паники я уже не понимаю, где я. Где мой отель. Нужно остановиться, вызвать такси, отдышаться. Пожалеть больную ногу.

Но я продолжила бежать, не в силах остановиться.

Остановиться пришлось. Я банально врезалась в мужчину. Так сильно, что в глазах потемнело.

– Эй, – хрипло хохотнул незнакомец, придерживая меня за плечи, чтобы не упала, – от кого бежишь, красавица?

Вздрогнула от прикосновения мужских ладоней к плечам. Вдохнула полной грудью запах, исходящий от мужчины, и сглотнула – как вкусно он пахнет! Мама как-то сказала мне, что в отца она влюбилась в том числе из-за запаха, какие-то древние инстинкты.

Проморгалась, подняла на удерживавшего меня мужчину лицо, и сердце ухнуло в пропасть.

– Девушка, что-то случилось? – нахмурился незнакомец, все веселье пропало из его голоса. – Кто-то обидел?

– Нет, – слабо покачала головой, и продолжила рассматривать его.

Лет двадцать девять-тридцать. Темно-русые волосы, в мочке уха след от серьги, но он ее не носит. Синие глаза – такие темные, что почти черные. Как океан в сумерках. Легкая щетина – не та, модная, а обычная. Видимо, утром не побрился.

Скулы острые, взгляд режут. Квадратный, упрямый подбородок. В глазах наглость и сочувствие одновременно.

Сочувствие... не могу я рассказать этому мужчине, что ко мне в трусы пытался залезть какой-то обдолбанный мужик. Не хочу, чтобы он жалел меня.

– Помочь чем-то?

– Я... заблудилась. Не из Питера я, подруга встретила знакомых, а я вот, – пожала плечами, и мужчина отпустил меня.

Жаль.

– От кого бежала?

– Да пристали тут, – поморщилась. – Ничего серьезного, просто испугалась немного. Я Слава, – представилась, и протянула ладонь.

– Игнат, – мужчина усмехнулся, и пожал мою ладонь – она в его руке утонула. – Туристка? В отеле остановилась? Давай такси вызову, а вечерами в этом районе лучше одна не гуляй. Баров много, пьяных тоже.

– Не хочу такси, – заупрямилась я. – Я пешком дойду.

Игнат. Красивое имя. Вот только что со мной? Я так странно на этого мужчину реагирую, тянет прижаться к нему, обнять. И чтобы он обнял. Крепко, так, чтобы кости заныли, чтобы сжал и не отпускал.

– Странная девочка Слава, – покачал он головой, и скинул пальто. – Кто в ноябре носится по улицам в одном платье?

Ох, я только осознала, что выбежала из того лофта, забыв про свое пальтишко. Так торопилась убраться из этого притона.

На плечи опустилась тяжесть, и запах мужчины окутал меня еще более пьяняще. Даже голова закружилась. Что у него за парфюм такой?

– А как же вы?

– Идем. Я недалеко живу, накину на себя что-нибудь, и

провожу тебя, ребенок.

Ребенок. Это задело.

– Мне восемнадцать, – заметила я, и пошла за Игнатом.

– Поздравляю. А мне тридцать.

– Тоже поздравляю, – усмехнулась я – страх начал отпущать.

А еще я пригrelась рядом с этим мужчиной. Впервые со мной такое.

– Сейчас ко мне поднимемся. Если боишься, можешь у подъезда подождать. А можешь со мной зайти – не обижу.

– Я зайду, – взяла Игната за руку, грея замерзшую ладонь в его – большой и теплой.

Мы в центре Питера, я вспомнила, что за улица, когда паника прошла. Миновали шумную улицу с барами, зашли за дом, остановились у ворот, и Игнат обернулся ко мне. Чуть склонился, и я затаила дыхание – вдруг поцелует?

А что мне тогда делать? Вроде как неприлично с незнакомцем, но... наверное, я сопротивляться не стану. Хоть узнаю, что такое настоящий поцелуй.

Но Игнат всего лишь просунул ладонь в карман пальто, укутавшего меня, достал ключи, и открыл ворота. Мы оказались в типичном дворе-колодце.

– Точно не боишься? – приподнял бровь Игнат. – Вдруг я маньяк?

– Всегда интересовалась маньяками. Так что сделай одолжение, – я довольно улыбнулась, и вошла в подъезд, а следом

за мной и Игнат.

– Значит, любишь опасность, Слава?

– Слава? Больше не ребенок?

– Сама сказала, что тебе уже восемнадцать, – лифт открылся, мы вошли в него, и я почувствовала то самое.

Опасность, о которой говорил Игнат.

Она в его глазах.

Опасность есть, она имеет привкус перца, но страха нет. Этого мужчину я не знаю, но хочу. Может, об этом я пожалую, даже скорее всего, но из его квартиры этой ночью я не вернусь в отель.

Я это знаю. И Игнат, судя по его изменившемуся взгляду, тоже это знает.

– Красивая девочка, – хрипло прошептал он. Протянул ко мне руку, и провел пальцами по щеке. – От кого же ты бежала?

– Может, не от кого, а к кому? – смущенно прошептала я в ответ.

Мы вышли из лифта, Игнат открыл дверь, но вперед меня не пропустил. Взглянул на меня темно и голодно.

– Уверена, Слава?

– Да, – выдохнула, и вошла в его квартиру.

Глава 2

Игнат пропустил меня вперед. В свою квартиру. А затем дверь за моей спиной захлопнулась.

Я решила – он станет первым.

Решилась. С незнакомцем, впервые. Совсем его не зная, Боже! Это наваждение, мистическая решимость, не иначе. Проклятая магия. Вдруг Игнат злой? Вдруг помешан на политике? Вдруг женщин не уважает, и вообще за людей не считает? Вдруг носки дырявые носит? Я ведь ничего про него не знаю, абсолютно.

Обернулась резко – он разувается. Носки целые, не дырявые. Интересно, а отпугнуло бы меня это? И что привлекло?

Не только ведь внешность. Что-то в глазах, в голосе, в запахе. Что-то неуловимое.

Действительно, магия.

– Слава, так что мы сейчас делаем? – вдруг остановился мужчина. – Я снова обуваюсь, накидываю пальто, и провожаю тебя? Или...

Он замолчал, дав мне еще один шанс опомниться, одуматься, и поступить как разумная девушка. Вместо ответа я скинула пальто, и протянула Игнату.

Зря, наверное. Шлюхой меня посчитает. Но я хочу остаться. И в отель не хочу – с подружкой ругаться, что привела ме-

ня в элитный притон, что не реагировала на крики, пока я вырывалась.

Что послала меня, когда я схватила ее за руку, чтобы убежать вместе.

А комната у нас одна на двоих.

Нет, не хочу я этих разборок.

– Идем, чаем напою, согреешься хоть, – Игнат взял меня за руку, и повел по квартире. – Хм, или что-то покрепче. Ты алкоголь пробовала, взрослая моя?

– Пробовала, конечно, – улыбнулась я.

Так себе факт, но балерины – отнюдь не воздушные создания. Кому не хватает мышц – те пиво пьют, парни в основном. А девчонки – коньяк на вечеринках. Не поклонница всего этого, но пробовала, и не раз.

– Ты один живешь? – села на высокий барный стол, а Игнат достал бутылку. Затем отставил ее, и включил чайник.

– Один.

– Красивая квартира, – огляделась вокруг – неплохо он живет, не беднее моих родителей.

А семья у меня обеспеченная.

– У меня два уровня, – Игнат качнул головой вверх, и я поняла – следующий этаж тоже его. – Расскажешь, куда дела верхнюю одежду, и почему носилась по городу в одном платье?

– Это ерунда, – отмахнулась – страх прошел, отбилась же от уroda, а рассказывать Игнату про это не тянет.

И ведь не к маргиналам мы пошли. Квартира была богатая, Женя сказала, что просто посидим.

Посидели...

– Ладно, тогда расскажи про себя, – Игнат поставил передо мной чашку черного чая, сахарницу, а затем все же открыл бутылку, и плеснул в бокал немного виски, – Больше не налью.

– А мне больше и не надо. Я только чай выпью.

Он придвинул бокал, и покачал головой.

– Выпей. Иначе заболеешь.

– Заботливый, – подарила мужчине улыбку.

Глаза у него пугающие. Синие, темные. Грозовые. Смотреть в них, и смотреть, и все равно не насмотришься. И фигура великолепная, а я в этом знаток – столько лет в балетном отрубила, где все на анатомии помешаны. По взгляду теперь могу определить, сколько времени человек уделяет спорту.

Игнат – много. Не худой он. Крепкий, мускулистый.

Притягательный. Магнетизм животный, а запах его для меня – сильнейший феромон.

– Так расскажешь про себя, или это тоже секрет? – напомнил он, и опустил напротив.

– Я из провинции, переехала в столицу учиться балету.

– Научилась?

– Научилась, – немного помрачнела я.

Мама в ужасе была, когда я загорелась балетом. А случи-

лось это именно из-за нее – еще до моего рождения мама попала в аварию, колено было травмировано так, что она хромала. Долго. И операции делала. Реабилитации помогали, но не так, как маме бы того хотелось, и она начала искать альтернативы.

Занялась балетной гимнастикой, а я маленькая была, наблюдала. Каждое утро смотрела, как мама садилась на коврик, и тянула ноги через силу, через боль. С мамой занимался пожилой балетмейстер, который и включил мне на планшете спектакль «Дон Кихот», чтобы я не мешала им.

И я пропала.

– Знаешь, мама не одобрила, когда я заявила, что пойду учиться балету. В позу встала, что только через ее труп – она знала, что травмы для балетных – это обыденность. Не хотела она для меня подобного.

– Но своего ты добилась? – Игнат сделал глоток виски.

– О да! Я голодовку объявила, – не смогла скрыть дурного хвастовства, когда сказала это, но вспоминать забавно ту войну с мамой.

– Упорная.

– Папа тоже так сказал, – рассмеялась я, вспоминая прошлое. – Мама сдалась. Они решили, что я позанимаюсь полгода максимум, и «блажь» пройдет. А она не прошла.

Меня порекомендовали в столицу. Конкурс – девяносто человек на место, но я прошла несмотря на то, что по возрасту не подходила – слишком маленькая. Но ведь взяли. И

я училась, хотя каждый день было больно. Болели мышцы, кости, суставы. Но это того стоило. И уже на предпоследнем курсе я танцевала в главном театре страны.

Теперь бы только вернуться. Я уже и на кордебалет согласна!

– Творческая девушка. Балет, надо же, – Игнат едва заметно улыбнулся. Улыбка у него не мягкая, а... не знаю, говорящая очень. О том, что он меня хочет. – В Питер надолго?

– Обратного билета нет, приехала развеяться. С подругой.

– Вижу, что развеялась, – взгляд мужчины опустился на мою грудь.

Я вспыхнула.

От одного взгляда. А я ведь танцевала с партнерами, и нет места на моем теле, где бы меня не трогал мужчина в дуэтных танцах, при подержках. А тут всего лишь взгляд.

И этого достаточно оказалось, чтобы я загорелась еще сильнее.

Чтобы захотела узнать – каково это, быть с мужчиной. Каково это – принадлежать ему?

– Может, теперь ты расскажешь про себя? – голос предательски дрожит.

– Тридцать лет, не женат, и никогда не был. Детей нет. До двадцати восьми был контрактником, скопил денег, и занялся бизнесом.

– Каким?

– Пока что у меня два автосалона. Не миллиардер, – пожал

Игнат плечами.

Мне понравилось. И то, что он не женат. И то, что не стал распинаться, что через год займет первое место в рейтинге олигархов, а мужчины на это горазды – кидаться громкими словами, объясняя, что все деньги мира пока не в их карманах только потому, что кто-то там виноват.

Да и зачем мне олигарх нужен.

А Игнат – даже если бы он слесарем был, я бы все равно оказалась с ним в его квартире.

– Согрелась? – голос его стал звучать ниже.

– Согрелась, – мой голос предательски сорвался.

– Слышал, что у балерин хорошая растяжка. Покажешь?

Игнат встал, протянул руку, я поняла – это последний шанс, чтобы уйти. Он дал его мне. Третий шанс.

– Мужчины, – фыркнула я, поднялась, и вложила свою ладонь в его. – Я про танец, про искусство, а ты мне про растяжку. Вас только одно интересует.

– И много кто уже интересовался твоей растяжкой? – шепнул он мне на ухо.

Дыхание обожгло, опьянило больше тех двух глотков виски, что я выпила.

Я ничего не ответила Игнату, просто загадочно улыбнулась, и пошла за ним. В спальню. Наверное, стоило бы предупредить, но вдруг он не захочет связываться с девственницей?

Нет, пусть Игнат узнает, когда будет поздно.

Когда он станет первым.

Глава 3

В спальню мы вошли спокойно, не торопясь. И я успела быстро оглядеть ее: большая, с огромными окнами. А мебели минимум – широкая кровать, у стены штанга, и все. Ни тумбочек, ни милых мелочей.

Даже стульев нет, только кровать, на которую Игнат толкнул меня, едва мы вошли.

Я ахнула, падая. Поднялась на локтях, хотела встать. Но он опустил ее сверху, заключив меня в клетку из своего тела.

– Уже не убежишь. Раньше нужно было, – тихо произнес Игнат.

– Так ты, все же, маньяк?

– Тебе не повезло, Слава, – усмехнулся он, и поцеловал.

Так ярко. От одного прикосновения его губ к моим кровь вскипела, все краски мира обрушились на меня, когда язык Игната скользнул в мой рот. Вкусный. У этого мужчины вкус крепкого алкоголя – сводящий с ума вкус. И запах, о Боже мой, он будоражит.

Прикосновения. Я хочу почувствовать тяжесть его тела на себе, но Игнат не торопится. Удерживает свой вес на локтях, и целует. Ласкает языком мой, захватывает его в плен, прикусывает мои губы, и снова накидывается на мой рот.

Пожирает его.

Это безумие – так плавиться от одного лишь поцелуя. Кажется, мне хватит даже этой невинной ласки, чтобы достигнуть пика. Я дрожу от легкого, приятного страха; от предвкушения, делающего мое тело ватным; от подчиненности Игнату, от уязвимости.

Никогда не любила быть слабой, а сейчас я в восторге. Некоторым мужчинам приятно отдавать полную власть над собой.

– Тебе точно есть восемнадцать? – Игнат оставил мои губы, чуть опустился, и я подставила шею под поцелуи.

– А если нет, то ты остановишься?

После легких, нежных поцелуев я получила жесткий. Поцелуй-укус в самое чувствительное место у основания шеи, и вскрикнула.

– Остановлюсь, – хрипло ответил Игнат. И правда остановился, навис надо мной, взгляделся в лицо: – Ты, случаем, не школьница, поругавшаяся с родителями? Милая, мне проблемы не нужны.

– Мне восемнадцать. Правда.

А если бы не было – я бы солгала, сейчас я эгоистка.

Ко мне прикасались множество раз. Партнеры по дуэтным танцам, педагоги. К каждому миллиметру моего тела, ничего сокровенного не осталось. И я никогда не смущалась, это ведь работа.

А сейчас я в смущении. Страшно. И хочется большего.

Вот только лгать – плохая идея.

– Игнат, – прошептала, но он не услышал – губами накрыл мою грудь поверх платья.

Я тихо ахнула, и зарылась в его волосы, прижимая к себе, чтобы продолжил целовать. Чтобы я могла чувствовать его дыхание, его губы, чтобы плотнее ощущать, как он возбужден.

Как хочет меня. Не просто женщину, а меня, как мне бы хотелось думать.

Но сказать нужно.

– Игнат, у меня еще никого не было. Я хотела, чтобы ты знал. Ты первый, – зажмурившись, торопливо пробормотала.

Он вздрогнул, отстранился от меня, но не совсем. Просто немного приподнялся, и я снова закрыла глаза, чтобы не встречаться с ним взглядом.

Тепло его тела исчезло, он больше не греет. Наверное, сейчас выставит меня, посадит на такси. Кому охота возиться с девственницей?

Но вместо всего этого Игнат прикоснулся к моим бедрам, и повел ладонями вверх. С нажимом, задирая мое платье выше, и выше, и еще выше.

– Никогда и ни у кого я не был первым. Да и не хотел этого. А сейчас... я рад, – хрипло произнес мужчина, и я открыла глаза, чтобы взглянуть в него сквозь темноту. – Нежным быть не умею, но постараюсь. Не боишься?

– Нет.

– Тогда приподнимись, – скомандовал, и я выполнила, чтобы Игнат мог снять с меня платье.

Я осталась только в белье. Пожалуй, впервые в жизни мне захотелось, чтобы грудь у меня была большая, а не такая аккуратная.

– Красавица, – Игнат провел по моему телу рукой.

От шеи и по груди, прикрытой белым бюстгалтером. Ладонь спустилась на впалый живот, и я вздрогнула, внутри словно лава разливается. Томительное предвкушение, рожденной чувственностью.

Игнат поднялся, и начал скидывать с себя одежду – быстро, неаккуратно, а я, стесняясь, стянула с себя бюстгалтер, и потянулась к трусикам, чтобы снять и их.

– Я сам, – строго остановил он меня.

Я замерла.

Игнат обнажен. Мускулистый, даже излишне; на груди волос нет, а вот в паху... там есть. А эрекция... да он же не поместится в меня, это просто невозможно!

Или возможно?

Я облизнулась, и снова откинулась на спину. А затем раздвинула ноги в приглашающем жесте, и провела ладонью по лобку.

– Смелая девочка Слава. Дразнишь меня, – Игнат усмехнулся, сел у меня в ногах, и заставил убрать ладонь с трусиков.

Я думала, что он просто снимет их с меня, а он... он на-

клонился, и поцеловал меня. Прямо между широко раскинутых бедер. Я вскрикнула от неожиданности, вскинулась, но Игнат хрипло хохотнул, и надавил на мой живот.

– Лежи.

– А ты? – растерялась я.

– И я. Полижу. Никогда не пробовал, но тебя я хочу узнать на вкус, – прозвучало ужасно пошло и возбуждающе.

Как и новый поцелуй, и смачный укус в лобок.

А затем Игнат быстро расправился с моими трусиками, и я почувствовала его губы в самом интимном своем месте, уже не скрытом тканью. Игнат закинул мою ногу себе на плечо, и жадно, шумно поцеловал туда, где все пылало.

– Нет... хватит, подожди, – всхлипнула я. – Я хочу тебя по-настоящему, в себе. Не так...

– Еще рано, – прохрипел он, не отрываясь от ласк.

От его голоса, от того, что он творит, по всему моему телу вибрации. Я чувствую, насколько я мокрая, и это приятно-стыдно. А Игнат будто и правда наслаждается тем, что делает. Жадно всасывает в рот мою плоть, развязно целует. Ласкает языком, вылизывает.

В моем животе разрастается огненный шар. Я остро чувствую все, что происходит. Руки мои раскинуты на кровати, будто я хочу обнять весь мир; ноги раздвинуты, а между ними Игнат, выбивающий из меня стоны – сначала тихие, а сейчас громкие, животные.

– Черт, вкусная, – шепнул он, на миг оторвавшись, и со

стоном вобрал в рот мой клитор.

Движения его языка быстрые. Такие быстрые, что в глазах темнеет, и меня выгибает на кровати. Мое всегда послушное тело перестало мне подчиняться, мышцы сокращаются, дрожат в агонии, я пытаюсь сдержать стоны, но не могу.

К губам, к языку добавился палец, вторгшийся в меня. Я ахнула, и Игнат усилил напор. От его ласк, от поцелуев, от движений языка, порхающего по моему клитору, я плаю. Что-то неотвратимое приближается, как буря. Я это чувствую, Игнат тоже.

К одному пальцу добавляется второй. Он растягивает меня уже не так нежно. Резко, чуть грубовато готовит для себя, и продолжает влажно ласкать. Бьет языком по клитору, и зализывает удар. Зажимает его губами, заставляя меня всхлипывать, и обводит круговыми движениями. Снова, снова, снова, рождая во мне абсолютное безумие.

И я закричала от прошившего насквозь экстаза, скомкала в ладонях простыню, жалобно затрещавшую, и выгнулась от сокрушительного по своей силе оргазма.

Боже, если быть с мужчиной так восхитительно, то я готова оставаться на этой кровати вечность!

– Все, больше не могу, – услышала я голос Игната совсем рядом.

В глазах прояснилось, Игнат надо мной, нависает чуть склонившись. Упирается одним локтем в кровать, а второй ладонью продолжает ласкать меня, скользя внутрь по влаге.

– Игнат, – я потянулась к нему, обняла за шею.

– Сейчас, маленькая, – я почувствовала, как он приставил член ко входу, и плавно вошел в меня, заглушая мой крик поцелуем.

Глава 4

ИГНАТ

Девчонка подо мной дрожит.

Такая хрупкая, уязвимая. Надеюсь, не соврала, и ей есть восемнадцать, иначе у меня будут проблемы.

Целую ее. Нежность ушла, надолго меня не хватило. Врываюсь языком в ее рот, трахаю его так, как хотел бы вдальбиться членом. Но сдерживаюсь. Не двигаюсь, позволяю привыкнуть. Только языком пока могу трахать ее.

– Слава, – выдохнул, – посмотри на меня. Смотри. На меня.

Она открыла глаза, обняла меня еще сильнее, и двинулась подо мной. Мне навстречу.

Застонала болезненно, прикусила губу, но не остановилась.

– Сильно больно, маленькая?

– Очень, – прошептала она.

Я почувствовал себя последней скотиной, но остановиться не смог. Наверное, стоило бы, но слишком велик кайф – двигаться в ней тесно, туго, даже больно. И охренительно. Так сильно она сжимает мой член, так горячо и влажно, и это с ума сводит.

Заставляет звереть.

И я ускоряюсь. Стараюсь контролировать свои движения, чтобы не превращаться в совсем уж животное, но получается хреново. Выхожу из нее, и снова засаживаю. Уже быстрее. Мне нужно быстрее, хочу долбить ее так, чтобы орала от наслаждения.

Но сейчас Слава способна кричать только от боли.

Хорошо, что додумался приласкать девчонку до секса.

Мне нужен её взгляд.

– Не закрывай глаза. Смотри, – прохрипел, двигаясь в ней.

– Не сдерживайся, – Слава прикоснулась ладонью к моей щеке, обвела пальцем приоткрытые губы. – Мне уже почти не больно. Я не хочу, чтобы ты сдерживался. Хочу по-настоящему.

Я не должен был ее слушать, но её слова сломали мои тормоза. Сорвался. Просунул руку под ее раскрытые бедра, и вошел глубже. Резче. Движения абсолютно хаотичные, рваные, жадные. Мне нужно видеть ее всю – взгляд, направленный на меня, пока я трахаю её; подпрыгивающую небольшую грудь; прикушенные губы... и слышать ее. Слушать. Стоны, всхлипы.

Знаю, что сейчас она не кончит, но и это не останавливает, не заставляет сдерживаться.

Я впал в ненасытное безумие – такого со мной даже после армии не было, когда член почти не опадал, и трахаться хотелось без перерывов на сон и еду.

– Потерпи, я скоро кончу, слишком ты тесная. Потерпи, –

постарался утешить, вдалбливаясь в нее безжалостно.

На всю длину.

– Поцелуй меня, – Слава потянулась ко мне, ласково погладила шею, и я набросился на ее губы.

Слишком нежная девочка. Не для такого психа, как я. Даже сейчас не целую ее, а кусаю, вгрызаюсь. Но она принимает все, и не пытается оттолкнуть. Ластится нежно, отдает себя полностью, отчего у меня окончательно срывает башню.

Рычу в ее рот, совершаю последние рывки, и буквально заставляю себя выйти из нее.

Член испачкан кровью. Сжимаю его ладонью, и со стоном кончаю на впалый живот Славы. Моя ладонь в её крови, её живот в моей сперме. Её много, я кончаю, спускаю на неё, и жадно смотрю. На ее раскрытые бедра в крови – это красиво, я конченный псих, должно быть, но это лучшее, что я видел в жизни.

Её кровь. И сперму, пачкающую её живот. Не могу удержаться, и веду ладонью по ее животу к лобку, смазываю её собой, ласкаю клитор. Член все еще твердый, еще минута таких игр, и я снова не сдержусь.

Нельзя.

Упал рядом со Славой, притянул её к себе, и вытер ладонь, измазанную кровью и спермой о простыню.

– Устала, малышка?

– Да, – мурлыкнула она мне в шею.

Улыбнулся, как идиот, и бросил:

– Спи.

– Надо в душ, я же вся в... ну, помыться нужно, – она заерзала, голос смущенный.

– Утром помоешься. Лежи, – поднялся, пошел в ванную, где быстро обтерся салфеткой. Намочил полотенце, и сел в ее ногах.

– Что ты... не нужно, – она попыталась не позволить мне раздвинуть ее ноги, но силы неравны.

Вытер кровь, стараясь быть аккуратным, и больше не причинять боли. Вывернул полотенце, и стер с её живота свои следы. У девчонки так щеки пылают, что в темноте видно.

И угораздило же меня!

Девочка, явно, в беду попала. Мелкая совсем, юная. Таким важно, чтобы первый раз был по любви, а затем, чтобы продолжение было. Прогулки, свидания, признания.

Бросил полотенце на пол, и снова опустился рядом со Славой. Она доверчиво обняла, закинула на меня ногу. Пальчиками вырисовывает какие-то буковки-цветочки на моей груди.

И мне впервые за долгое время хорошо и спокойно. Хотя я все отчетливее понимаю, что проделбался. Нужно было посадить девочку в такси, и не тащить в свою квартиру, зная, чем все завершится.

Она жалеть будет. А я ничего не смогу ей предложить – псих, помешанный на контроле себя, и всех окружающих.

Утром провожу её до отеля, и постараюсь объяснить, что

первый раз для нас был последним. Для неё же лучше.

Слава заснула буквально через пару минут. Надо же – незнакомая обстановка, незнакомец, но так просто доверилась. А я лежал еще часа три, не меньше. На неё смотрел, в темноту, и думал.

Кто-то доверяется вот так, с лёту, а кто-то даже себе с трудом доверяет. Как я.

Может, все же, попробовать? С этой девочкой, уютно устроившейся на моем плече. Пара свиданий, а затем пригласить ее к себе, и пусть живет. Может, получится?

Нет. Я точно знаю, что будет. Будет злость, что на нее смотрят другие, а на такую, как Слава, не смотреть невозможно – очень уж красивая. И это будет сводить меня с ума. Будут требования пересмотреть круг общения, исключить из него всех парней, и большинство неподходящих подруг. Смена гардероба на водолазки и свободные штаны. И бесконечные проверки.

Никогда не жил с женщиной именно поэтому. Даже сейчас, стоит представить, начинаю беситься от того, что если Слава будет моей, то она станет несчастна.

Просто не дано мне это – доверять.

А значит... значит, только секс.

С этой мыслью я и заснул.

Глава 5

Первое, что я почувствовала – аромат кофе. Потянула носом, и улыбнулась.

А затем проснулась. Мама опять за своё взялась? У неё от кофе давление, но мама как маленькая себя ведёт, и упорно пьёт то, что ей нельзя. Ну я ей устрою!

Открывать глаза не хочется. Знаю, что мама скажет на мои придирки: «Боже, никогда не жила со свекровью, и вот, родила её»

– Ну всё, – зевнула, и открыла глаза.

А я не дома. Я... я же в Петербурге, и даже не в отеле, а... Игнат!

Оглянулась – его нет, зато в ногах скомканный плед, в который я шустро завернулась.

– Боже, – прошептала, чувствуя удушающий стыд.

Раньше я в голос смеялась над рассказами друзей, и над фильмами, где девушка после ночи с мужчиной ударялась в стенания: «Я не такая!», но... я же не такая! Ну не могла я с незнакомцем уйти, и так откровенно себя предлагать.

Не могла!

Но делала это. Я! Чёрт, и ведь не обвинить никого, в той квартире, куда меня Женька притащила, я даже не пила ничего, и не ела. Значит, подсыпать мне ничего не могли.

А жаль. Я бы хоть на наркотики свое поведение с чистой совестью спихнула. Но никаких наркотиков не было. Была пара глотков алкоголя – здесь, в квартире Игната. И когда я их делала, я уже знала, что будет дальше.

Кошмар какой!

«Если я сейчас выйду, и начну ныть, что я не такая, то буду душой» – пришла вроде как умная мысль.

Или глупая – тут как посмотреть, опыта у меня нет абсолютно.

Хотя... опыт уже есть. Еще какой.

Встала с кровати, нашла свое платье, и натянула его – немного мятое, я помню, как его лишилась. Как лежала с раздвинутыми ногами, как между них была голова Игната.

И как это было восхитительно! Даже при воспоминании об этом – горячий, чуть шершавый язык, с напором ласкающий меня – томление охватывает. Низ живота тяжелеет, горит, а затем... тянет болью.

Боль до сих пор ощущается, и дискомфорт. Больно сейчас, а в тот, самый первый миг, я думала, что умру. А подруги-то говорили, что это вполне терпимо – девственности лишаться. Да если бы меня кто-то предупредил, что будет такая режущая, острая боль, то я...

... я все равно бы это сделала. С Игнатом. Боль потом утихла, и больше не вернется. Даже хорошо, что она была такой сильной.

Я всё прочувствовала. Так и должно быть. Наверное,

именно так я и хотела – полного обладания, наслаждения от чужой силы и собственного бессилия, как жертва перед диким зверем – безудержным, яростным, голодным до одной меня.

Но хватит прятаться!

Белье я надевать не стала. Прошмыгнула в коридор, а затем и на огромную кухню, кажущуюся еще более пустой, чем вчера. Столько пространства! У нас дома тоже так, но мама накупила гораздо больше техники, всяких украшений, милых мелочей.

А здесь – воплощение минимализма.

Игнат – аскет? Буду знать.

– Проснулась? Кофе или чай?

– Кофе, – я улыбнулась мужчине.

Он одет только в домашние темно-серые штаны. Лучше бы футболкой озаботился, а то я плююсь на его торс как дурочка какая-то. Но взгляд я отводить не стала. Смело подошла к поднявшемуся мужчине, и потянулась за поцелуем.

И получила его – короткий, но вспышкой зажегший во мне желание и обожание. Вот только Игнат колебался, пусть долю секунды, но я это уловила.

– Сейчас кофе тебе налью, – он мягко отстранил меня, во взгляде я увидела тень сожаления.

И все поняла.

Опустилась за барную стойку, на лицо надела привычную маску – что-то, а лицо нас педагоги научили держать. Даже

тех, кто танцевал как коряга, и годился только канделябры по сцене таскать, и исполнять роль мебели – все умели делать хорошую мину при плохой игре.

– Сахар? Сливки?

– Нет, спасибо. Обычный эспрессо, – доброжелательно ответила я.

– Игнат у кофемашины, спиной ко мне. Ближе к шее она расцарапана – это я его так? Ну что ж, пусть запомнит. Навязываться я не стану.

Жалеть о том, что случилось – тоже. А вот жалеть о том, чего не случилось – буду, и очень долго.

– Если захочешь с сахаром, то вот, – Игнат поставил передо мной чашку, и указал на сахарницу. – Если хочешь принять душ, то можешь не стесняться. Или...

– Я у себя в отеле его приму, – перебила, и взглянула внимательно в его глаза.

Позволила дать понять, что мне все ясно, и не нужно расшаркиваться. Переспали? Бывает, жениться не обязательно.

Хотя обидно. Чертовски. Каждой девушке хочется, чтобы после первой близости ее целовали, заверяли в чувствах, а не подбирали слова, чтобы намекнуть, что неплохо бы распрощаться.

– Слава...

– Что? – сделала аккуратный глоток, и поставила чашку на стойку – горячий слишком. Если поперхнусь, то маска с лица спадет сухим гипсом, и я разревусь.

Лучше не рисковать.

– Прости, – бросил он.

На лице у него сожаление. Причем искреннее, и от этого еще больше.

– Не нужно меня оскорблять своими извинениями.

– Ты же понимаешь?

– Наверное, – пожала плечами. – Сейчас кофе допью, и домой. Не переживай.

Может, у него девушка? Или вообще о жене наврал. Она в командировке, все по классике. Хотя... нет, квартира холостяцкая, никакая женщина здесь не живет, и долго не жила. Значит, это я такая непривлекательная, раз меня хочется поскорее выпроводить?!

– Ты чудесная девушка, и эта ночь... для меня, наверное, лучшая. Хотел бы думать, что и тебе было хорошо. Но, хоть это и звучит банально, дело не в тебе, а во мне.

– Звучит заученно, – усмехнулась я.

– Так и есть. Репетировал, – признался Игнат.

– Ладно, речь я оценила. Можешь не объясняться. Братьев-дядьев натравливать на тебя не стану, караулить у дома тоже. Я все понимаю. Так что давай без разговоров. Не хочешь, и не надо, – как можно более равнодушно бросила я, и переключила внимание на кофе.

Козёл! Хотя... может, это я дура, а он нормальный? Не зря же придумали, что сразу давать нельзя. Правило трех свиданий, как минимум, и все в духе того, что «зачем покупать

корову, если молоко дают бесплатно?»

Нет уж, дала, и дала. Жалеть не буду. Классно было, хоть и больно.

– И все же, я объясню. Профдеформация у меня, характер поганый.

– Не заметила.

– Ты меня совсем не знаешь.

– Как и ты меня, – подняла на Игната глаза.

– Да, не знаю. Но вряд ли тебе бы понравилось иметь дело с таким, как я.

– А мне таких предложений не поступало – иметь дело с таким, как ты. Даже проверить не получится.

– Языкастая, – оскалился он. – Я про то, что... черт, хрен знает, как объяснить!

– Раз уж начал, то попытайся, сделай одолжение, – положила подбородок на сцепленные в замок ладони, и приготовилась слушать.

– Ты бы нормально отнеслась, если бы я заставлял тебя каждые пятнадцать минут звонить мне, или присылать смс с геолокацией? Если бы я контролировал, с кем ты общаешься, во что ты одета, не слишком ли откровенно? Если бы запрещал общаться с парнями, даже если это двоюродные братья?

– Ты ревнивец?

– Нет, – усмехнулся Игнат не очень весело. – Мне говорили, что я моральный урод. Дело не в ревности, а в контро-

ле. Патологическом. Контроле всех, кто рядом. Тебе восемнадцать? Я примерно в это время понял, что нихера не получится. Встречался с девчонками, и каждый раз в эту ловушку попадал, при том, что не любил. Природа такая. Могут тебе отзвывы уволенных сотрудников дать почитать, если интересно: «все зашибись, но начальник – говно, передохнуть не дает». Контроль, понимаешь? Безусловный. С возрастом, и с новым статусом все только хуже стало. Так что не вешай нос, мелкая, так будет лучше.

– А может не будет? – нахмурилась я. – Тебе-то откуда знать, что для меня – лучшее? Я привыкла к контролю. Говорила же – балетная я, педагоги были теми еще людоедами.

– И ты бы нормально отнеслась, если бы я пересмотрел твой круг общения?

Круг общения, состоящий из Жени и Веры?

– Да.

– И гардероб?

– Я скромно одеваюсь.

– И носишься по холоду в платьях, – хмыкнул Игнат. – Ладно. А если заставлю отчитываться по каждому шагу – где ты, с кем ты?

– Мне не сложно написать сообщение, или позвонить.

– День за днем? Передать полный контроль – это тебе не сложно?

– Нет, – фыркнула я – Боже, о чем он вообще? – Конечно, иногда это нереально – звонить и отчитываться. Например,

я восстанавливаюсь, и скоро на сцену планирую вернуться. Грим, первый акт, но в антракте вполне могу звонить, пока подправляю макияж, и...

– Сцена, – перебил Игнат. – Ну а если мне не понравится то, что ты у всех на виду, и танцуешь? И я попрошу бросить то, на что ты годы потратила?

– Зачем? – растерялась я.

– Затем, что я – такой. Что скажешь?

– А ты попросишь об этом?

Игнат выразительно взглянул на меня.

Черт, и правда маньяк. Но балет... нет, не для того я столько мучилась, тренируя выворотность стоп, гибкость суставов и эти минимальные тридцать два фуэте, чтобы бросить до сорока пяти лет. Я же толком не танцевала еще!

– Дело даже не в сцене, – спокойно произнес Игнат, словно поняв, о чем я думала. – Тебя бы даже обязанность отчитываться о каждом своем шаге задолбала через неделю, малышка. Потому что это ненормально. А я бы ничего не смог с собой поделатъ, проходил уже это. Потому допивай кофе, а я отвезу тебя в отель.

Глава 6

Мы с Игнатом в машине.

Я молчу. Он молчит. Жалеет, или нет – плевать.

Я не жалею.

Понимаю, что это, наверное, не любовь, а чистая страсть, или же тень любви, ее начало, которое могло перерасти в нечто большее. Но не сложилось. Бывает. Это жизнь.

Мой педагог – Нина Васильевна – говорила, что ей в молодости, несмотря на красоту и талант, долго не позволяли танцевать партию Жизель. Потому что тогда она еще не любила, потому что тогда ее еще не предавали, не бросали, не отмахивались от нее. И любовь казалась светлым чувством. И только когда она пришла на одну из репетиций разбитая и уничтоженная после предательства мужа, тогда её и утвердили на эту роль.

Даже в разочаровании есть толика горького очарования. И все это может пойти на пользу.

– Может, в ресторан? Ты голодна?

– Нет, – легко улыбнулась Игнату.

Он уверенно ведет машину. Недоволен, хмурится. Он как отражение Петербурга, этого мрачного, величественного города.

– Надолго в Питере?

– Не знаю, – пожала плечами, – Обратный билет еще не куплен.

– Чем займешься сегодня?

– Чем-нибудь.

Чем я займусь? Как обычно – растяжкой. Даже в путешествиях, даже после травмы нужно стоять у станка, и тянуть-ся, тренировать балетные позиции. Станок мне сейчас заменяет обычная вешалка для одежды – не слишком удобно и привычно, но хоть что-то.

А потом я пойду гулять. По Рубинштейна, а затем, как обычно, буду стоять у Исаакиевского – люблю это место.

– Вот мой отель, останови на парковке, пожалуйста.

– Здесь? – фыркнул Игнат. – Хреновое место, Слава.

– Зато недорогое.

– Тебе нужны деньги? Все совсем плохо? Я могу помочь. Снимешь хороший номер, и...

– Не стоит, – покачала головой. – Меня все устраивает.

– Даже тараканы и клопы?

– Мы сдружились, – хихикнула я.

Отель, нужно сказать, и правда жуткий. Родители исправно снабжали меня деньгами, но я не тратила, копила. Сама не знаю, на что я откладывала. И отель этот... да, он ужасен, но зато расположение прекрасное, и мы с Женькой неплохо уживаемся в одной комнате.

Уживались.

– Спасибо, что подвез. Пальто возвращаю, – скинула его

на сидение, и хотела выйти из машины, но Игнат остановил, мягко сжал мою ладонь. – Что? Здесь два шага, не замерзну в платье.

– Про отношения я тебе все объяснил, но... как ты смотришь на то, чтобы встретиться? И встречаться, пока ты в Петербурге?

– Без обязательств, ты имеешь в виду?

– Да.

– Только секс?

Игнат поморщился, но кивнул.

А я... я не знаю. И ладонь чешется, просит пощечину отвесить – да как он смеет?! И соблазнительно это – согласиться. Рядом быть, Игнат ведь не просто понравился мне, здесь нечто большее. Любовь? Тяга? Страсть? Похоть? Все вместе? С первого взгляда, как удар ножом в сердце – выжить можно, но шрам останется навсегда.

Можно согласиться, присмотреться к нему, быть рядом. И направить туда, куда нужно мне – к отношениям. Не может ведь все быть так жутко, он утрирует, должно быть.

– Я... – начала, и замолчала.

Сбилась. А ведь хотела согласиться. Хотела бы снова оказаться с ним на простынях, только чтобы уже не было больно, а чтобы было только хорошо – руки, губы, кожа к коже. Запах секса.

Только Игнат. Рядом со мной.

– Нет, Игнат. Это не для меня. Может, несовременно это,

но просто секс и никаких обязательств – такое меня не устраивает. Но о прошлой ночи я не жалею, – ласково провела по его щеке, и высвободила ладонь из мужской хватки. – Спасибо, что подвез.

– Стой, – рыкнул. – Пальто возьми, даже двух шагов может хватить, чтобы заболеть.

– Я закаленная.

Не нужно мне его пальто! Мне он сам нужен! Он!

– Тогда... поцелуй на прощание? – Игнат нагло посмотрел на меня.

Не смогла не восхититься – вот это жестокость!

– Пока, – повторила, и вышла из машины.

Ко входу в отель шла, не оборачиваясь. Знаю, он еще не уехал, машина на месте, и я не жду, что за мной побежит, как герой какой-нибудь романтической комедии.

А ведь хотелось бы.

Достала отключенный мобильный, сняла чехол, и вытащила из него карту от номера. А затем зашла в отель, слыша, как за моей спиной тронулась машина.

Уехал.

Что ж... обидно, но переживу.

– Ты где шлялась? – напустилась на меня Женя, едва я вошла в наш номер. – Я тебе с семи утра звоню, блин!

– Гуляла. Ты, как вижу, тоже гуляла, – холодно ответила.

Вид у подруги так себе. Губы как подушки – опухшие, красные. Шея и подбородок расцарапаны. Боюсь предста-

вить, чем она занималась.

Хотя... должно быть, тем же, чем и я.

– Гуляла, но с пользой для дела! Ты в курсе, что нужны танцовщицы и солистки для «Спартака»?

– В ноябре?

– В начале декабря новый состав начинает репетиции, а в январе будут спектакли. Угадай, кого ты вчера отшила, дура? Второго режиссера!

– А ты его утетила, – усмехнулась я, вспомнив этого уро-
да.

Не знала, что это второй режиссер. А даже если бы знала, все равно не позволила бы к себе в трусы лезть.

– А я начинаю репетировать в труппе, дурочка. Здесь, в Петербурге! И вот увидишь, прямой стану! Так где ты была?

– Я не хочу об этом говорить, – взяла полотенце, халат, захватила телефон и пошла в душ.

Вода холодная, нужно как обычно пять-десять минут ждать, пока не польется теплая. Сначала позвонила родителям, вчера-то совсем из головы вылетело это. Пока говорила, злилась. Ну почему так? Почему до сих пор нужно за все платить своим телом?

Может, и хорошо, что у меня травма. Не могу я по таким правилам жить.

– Ай, – выдернула ладонь из-под воды – уже кипяток, скинула платье, и хотела войти в душ, но телефон зазвонил.

Первая мысль, отчего-то – Игнат.

Но нет. Это Нина Васильевна. Да и откуда Игнату мой номер знать? Он его даже не спрашивал.

– Здравствуйте.

– Привет, Ярослава. Ну как ты, девочка моя? Лучше?

И снова это чувство вины. Перед той, которая столько сил в меня вложила, которая наравне со мной радовалась тому, что я буду на сцене блистать. А я вместо этого так бездарно сломалась.

– Лучше. Уже танцую потихоньку, тренируюсь. Я через пару недель заеду к вам, сейчас мы с Женей в Питере, но...

– В Петербурге? Замечательно, милая. Я как раз и хотела тебя в Петербург отправить. Уже договорилась насчет тебя.

– Договорились?

– Отправишься в театр. Завтра к одиннадцати. На тебя посмотрят, и ты получишь роль. Новый состав набирают для «Спартака», слышала?

– Да, но... роль? Я же... я не смогу!

– Сможешь! Если в состоянии танцевать – будешь танцевать. Возможно, роль Эгины, если таланта хватит, за тебя я слово замолвила. Либо кордебалет. Либо, если совсем беда, будешь роль мебели играть. Ты на сцену-то хочешь? Или предпочитаешь страдать, и рассказывать всем, как травма твою карьеру сгубила?

Выдохнула шумно.

Я этим и занималась долгое время – упивалась своей бедой. Злилась. Мне ведь такой шанс был дан – сразу из балет-

ного на главную сцену страны, а тут травма. Восстановление. И я точно знала, что никто меня ждать не станет, придется заново доказывать всем, чего я стою. И не факт, что я смогла бы доказать.

– Завтра в одиннадцать? – переспросила я.

– Да. Надеюсь, шанс ты не упустишь. Прояви себя. А травма... это не в последний раз, Слава, к сожалению. Будут еще. Завтра, как выйдешь, набери меня.

Нина Васильевна отключилась, не прощаясь.

Энергия вскипела во мне. Даже удивительно – так долго я просто по течению плыла, а сейчас словно проснулась. И, кажется, что способна горы свернуть.

Жене я ничего не рассказала. Высушила волосы, съела яблоко, опустила планку вешалки, и встала за самодельный станок.

– Гулять со мной пойдешь? – подруга вытянула ноги по стене, растянувшись на кровати. – Я сегодня с Жоржем встречаюсь. Он с друзьями будет.

– Жорж?

– Ну Жорик. Второй режиссер. Идем со мной, может, получишь какую-нибудь небольшую роль. Дурой не будь! Понятно, что Эгину ты танцевать не будешь, но хоть что-то можно выбить, если будешь поласковее.

Нельзя ей говорить. Женьку я знаю – обидится. Любит она сердиться, когда сердиться вроде как не за что. В прошлый раз она орала, что я со всеми переспала – и с женщинами, и

с мужчинами, и даже с костюмерами, чтобы роль получить. И с подругой успехом не поделилась.

– Я останусь, нужно репетировать. Да и тебе бы не помешало, Жень, раз уж у тебя роль в кармане. А ты все валяешься.

– В декабре и начну, – зевнула она. – Скучная ты. Ладно, я до часу посплю, а потом меня ждут. Надумаешь – накрасься, и вместе пойдем. Мальчишки не обидчивые.

Я закатила глаза, и продолжила. Ступня болит, но терпимо. Интересно, смогу ли я завтра танцевать, или опозорюсь? Может, сейчас и проверить себя?

Нет. Страшно. Лучше нагружу свое тело, а завтра уже пусть будет так, как суждено.

Женька встала, и я сделала перерыв, пока она бегала по комнате, заполошно одеваясь, нанося макияж, и делая укладку. Ушла. И я продолжила тренировку – танцем это не назвать. Еще неделю назад свалилась бы после этих семи часов, я бы и трех не выдержала, а сейчас энергия словно бесконечна.

Не знаю, после звонка ли это Нины Васильевны, или после встряски, что устроил мне Игнат?

– Хватит, – выдохнула, почувствовав, как ноги начинают буквально трещать. – Иначе я завтра до театра даже не дойду, не то, что не станцую.

Приняла душ – волосы тоже пришлось помыть второй раз, до того я вспотела. Замоталась в полотенце, и выглянула в

окно. Темнеет уже. Сейчас отдохну, высушу волосы, и пойду гулять.

Одна. Без всяких Жоржиков-Жориков. С наушниками в ушах, под русские романсы.

Улыбнулась, и уже хотела отойти от окна, как заметила нечто. От парковки прямо на меня идет мужская фигура.

Знакомая.

– Неужели... – пробормотала, вглядываясь в сумерки по ту сторону стены.

Мужчина подошел прямо к моему окну, и легко стукнул пальцами.

– Выйдешь? – прочитала я по губам Игната.

Указала ему на голову, замотанную полотенцем, и он кивнул. А я, стараясь не особо спешить, но и не медлить излишне, отправилась за феном.

Глава 7

Хотелось бежать к Игнату, плюнув на полотенце на голове.

На свой вид. На манеры.

Пришёл! Пришёл ведь ко мне, несмотря на то что наговорил всяких глупостей, а значит...

– А что это значит? – пробормотала я себе под нос.

Но слова мои заглушал шум фена.

Вдруг Игнат приехал повторить своё щедрое предложение побыть его временной любовницей без обязательств? Я бы не удивилась, не в розово-ванильном мире живу. В первый же час после знакомства мужчине отдалась, не станет же он думать, что я высоких моральных принципов. Даже несмотря на то, что девственницей была.

Если повторит свое предложение, вежливой я уже не буду.

Меня разрывало любопытство, и негодование. Прокручивала в своих мыслях, зачем Игнат мог явиться, и злилась. Злилась, пока сушила волосы и делала укладку. Злилась, когда наносила макияж, отчего он стал похож на грим Черного лебедя.

А когда одевалась, чулки порвала. А ведь консультант меня уверяла, что их и гвоздем не порвать – новейший материал, тонкий, но прочный как кольчуга. Ха! Какая там кольчу-

га против женской злости?!

– Так, хватит, – заставила себя остановиться посреди комнаты.

Закрыла глаза, и начала считать вдохи и выдохи.

Медленнее. Еще медленнее и спокойнее... во-о-от! Теперь хорошо, и можно идти к Игнату. Не спеша. Не стоит бежать к мужчине, и позорить себя.

Впрочем, слишком долго тянуть тоже глупо и инфантильно.

Надела удобные ботиночки на невысоких каблуках, чтобы поберечь ноги, и вышла из номера. А затем и из отеля.

Игнат стоит у крыльца, между компактным входом в отель и обувным магазином.

– Думал, ты уже не выйдешь, – не очень довольный произнес он, и протянул мне букет цветов. – Прости, что розы. Банально. Но вкусов твоих я не знаю.

– Я люблю розы, – трепетно приняла букет. – Спасибо. Только у меня вазы нет.

– Пойдем, купим? – Игнат протянул мне руку, и я её приняла. – Какие цветы ты любишь?

– Тюльпаны. Мама все время шутила, что я была бы идеальной сотрудницей бухгалтерии, и восьмого марта радовалась бы больше всех трем тюльпанчикам.

Игнат хохотнул, а я покраснела – Боже, что я несу? Какая бухгалтерия? Мама много шутит, не все же на Игната вываливать.

А мне хотелось. Болтать, шутить, чтобы не сделать то, на что характер подбивал – прямо вытрясти из Игната, зачем он пришел. Чтобы четко и ясно сказал.

Но так нельзя. Потому... идем за вазой.

– Тюльпаны, значит? Я запомню. А украшения? Бриллианты? – мы обошли огромную лужу, не размыкая рук.

– Я только жемчуг ношу. Бриллианты скучные.

И мне не по возрасту.

– А любимый цвет? – не глядя на меня спросил Игнат, и резко сжал мою ладонь. – Черт, прости, Слава. Херню несую какую-то. Я, правда, думал, что ты пошлешь меня. Заметила, розы без шипов? Чтобы по морде не так больно было получать.

– Обезопасил себя? – усмехнулась я.

– Не хотел ехать домой, истекая кровью.

– Я хорошо воспитана, чтобы драться. Да и не виноваты розы ни в чем.

– Ну да, виноват я. Спасибо, что вышла, хоть мне и пришлось ждать целый час, – Игнат бросил укоряющий взгляд на меня.

– Повторюсь: я хорошо воспитана. А воспитанные девушки не выходят из дома с полотенцем на голове.

– Значит, мне повезло, что моя девушка хорошо воспитана? – мы остановились у небольшого магазинчика с богемским хрусталем.

Но внутрь не вошли. Игнат придержал меня у входа, и так

мы и застыли: я с букетом, и Игнат с хмурым выражением на лице.

– Ты предлагаешь мне стать твоей девушкой или похоронным агентом? Что у вас с лицом, молодой человек? – улыбнулась я.

А душа запела. Вот буквально, я услышала, как внутри словно колокольчики нежный перезвон устроили, и всё существо вверх стремится, будто тело потеряло вес, и я сейчас взлечу как фея Динь-Динь.

– Молодой человек – уже не такой молодой, и вообще тот еще псих. Пытается вести себя как нормальный, но понимает, что выходит херово, отсюда и проблемы с лицом, – отпартовал Игнат. – А если серьезно, Слав, прости за утро. По-другому оно должно было пройти.

– Да. По-другому. Но ты был честен. Или нет?

– Был честен. А потом подумал, и... – Игнат махнул рукой, и завел меня в магазин, так и не договорив.

Но я ведь правильно поняла – он предлагает мне стать его девушкой? Или констатировал факт? Или что?

В отместку за подвешенное состояние, вазу я выбирала долго и придирчиво. Заодно проверяла, такой ли Игнат псих, и станет ли злиться из-за того, что я битый час рассматриваю вазы с таким тщанием, словно свадебное платье выбираю.

Но нет, Игнат хоть и не выглядит довольным жизнью, но спокойно стоит рядом. Иногда вздыхает тяжело, но терпит.

– Неужели все? Уверена, что не нужны фужеры, сахарни-

цы и графины? – съязвил мужчина, когда мы покинули магазин с выбранной вазой.

Я сузила глаза, и остановилась.

– Фужеры, говоришь? А давай вернемся, я видела преми-ленькие, но нужно сравнить, и...

– И нет. Идем, – расхохотался Игнат, и потянул меня к отелю. – А ты, оказывается, вредная, а говорила, что хорошо воспитана!

– Я слишком хорошо воспитана, пожалуй. Перестарались воспитатели. Будь я чуть хуже воспитана, я бы спросила, что заставило тебя передумать, и приехать. И что означает твое заявление, что я – твоя девушка. И что будет дальше. Но я не спрашиваю, я думаю о хрустале, – приподняла бровь, окидывая Игната выразительным взглядом.

Я, конечно, согласна быть его девушкой, но хотелось бы хоть немного романтики. А то началось все с постели, сейчас я получила цветы, а конфеты? А рестораны? А прогулки по Неве под мостами?

– Слава, – мы остановились у входа в мой отель, – я говорил тебе правду утром. На отношения я давно забил. Монахом не жил, я даже близко не монах, и вообще не спец в отношениях. Последние длились около двух месяцев, и было это двенадцать лет назад. Потом – сама понимаешь, без обязательств.

– Спасибо за подробности. Это то, что мне нужно знать на первом свидании, – внимательно осмотрела розы, может

найдутся шипы, все же? Хоть один?

– Понял, принял, без подробностей. Тебя отвез сегодня, и поехал на работу. Думал.

– И надумал?

– Да. Что так нельзя. Зацепила ты меня, моя воспитанная, – Игнат притянул меня за талию к себе, неприлично вжал в свое тело. – Очень зацепила. Чего скрывать, я бы хотел думать о тебе меньше, но не могу. Как встретились, не могу перестать о тебе думать. Может, ты ведьма?

– Конечно, я ведьма. Не только у тебя есть недостатки, – потянулась к его лицу, и несмело прикоснулась к линии скулы пальцами.

Красивый какой. Только нервный очень, резкий и острый. Но ведь пришел, думал обо мне. И я думала все время. Стояла у самодельного станка, тренировалась, и думала, вспоминала.

Мечтала.

Может, я и правда ведьма? Думала, и вот – Игнат здесь, со мной.

– Я хочу попробовать, малышка. Нормальные отношения. С тобой, – хрипло прошептал он. – Согласна?

Глава 8

Согласна ли я на отношения?

Да.

Да!

Да, Боже!!!

– Так что, м? – Игнат провокационно потерся об меня колючим подбородком, слегка оцарапывая щеку. – Ты будешь моей, Слава?

И шепчет ведь. Горячо. Дыханием обжигает, смущение вызывает. И... жар. Я вспоминаю его голову между моих ног, и хочу еще.

Отношений.

Любви.

Секса.

Игната хочу!

– Я подумаю, – сдержанно ответила, и отстранилась мягко. – Подождешь? Я цветы в вазу поставлю, ладно?

Он, кажется, искренне удивился. А я воспользовалась моментом, и юркнула в отель.

Цветы подрезать нечем, прикормки нет. Жаль, недолго простоят... Впрочем, еще не вечер, и можно забежать в цветочный за этими мелочами. Игнат не откажет.

А вдруг я выйду, а его нет? Вдруг обиделся на такой мой

ответ?

«Если обиделся, то он дурак, – рассудила я. – Я ведь не отказала, я просто «да» не сказала»

Поставила цветы на прикроватную тумбочку, и снова вышла из номера. Походка нервная, а я ведь умею идеально её контролировать, но... волнуюсь очень. И вообще не верю, что со мной все это происходит.

Лет до двенадцати я мечтала о принце из сказки. Затем мои мечты стали чуть более взрослыми, но все равно наивными – хотелось блистать на сцене, и чтобы меня, приму-балерину, увидел какой-нибудь молодой и красивый аристократ. Или, на худой конец, не аристократ, а миллиардер. Но обязательно, молодой и красивый.

А после травмы, когда мама с папой сидели со мной рядом, и мама рассказывала о своем опыте болезни, я отбросила эти мечты. И захотела также, как у родителей – чтобы любовь была. Только влюбляться я, почему-то, могла только в героев книг, в актеров, но никак не в обычных парней.

И тут Игнат. И чувства, буквально оглушившие меня, сбившие с ног так, что взлететь хочется. Он не британский аристократ, и не миллиардер, и... и хорошо, что так! Мне кажется, что все они – те еще засранцы.

Я вышла на крыльцо. Игнат сразу же бросил зажженную сигарету в урну.

Курит, значит.

Взглянул на меня с тенью недовольства, и я приподняла

бровь:

– Что?

– Снова испугался, что не выйдешь. Трусом становлюсь.

– Почему я должна была не выходить? – взялась за его локоть, но рука сама собой соскользнула вниз.

И мы переплели ладони.

Да, так намного лучше.

– Почему ты должна была не выходить? – не очень весело усмехнулся Игнат. – А почему ты не согласилась быть моей?

– Я не отказала.

– А что ты сделала?

– А ты догадайся, – придвинулась к нему, прикоснулась щекой к мужскому плечу. – Догадайся, Игнат. Все ведь просто.

Он приноровился к моему шагу, и мы пошли по тротуару, проигнорировав его машину.

Если бы Игнат спросил в лоб, надавил, то я бы сказала, что я – его. Но хочется-то иного: чтобы он постарался, чтобы были свидания, походы в кино, в кафе.

Цветы.

Конфеты.

А просто сказать: «мы вместе», и пойти к нему ночевать я всегда успею.

– Понял, – улыбнулся он. – С тобой не будет просто, да?

– А ты бы хотел, чтобы было просто?

– А ты всегда отвечаешь вопросом на вопрос, Слав?

– Бывает. Кто из нас без недостатков, – тихо рассмеялась я.

И мы пошли по улице, болтая обо всем на свете. Что может быть лучше, чем быть влюбленной девушкой в Питере?

Это у нас с мамой общее – чувства к этому городу. Он не самый удобный для жизни, с бестолковым движением, с машинами, припаркованными прямо на дороге, но все недостатки искупают достоинства. Это даже не архитектура и величие, а сама атмосфера.

Можно не смотреть на Неву, и на дома, и на мосты. Можно просто поднять глаза на небо – в Петербурге оно особое, по одному лишь небосводу можно этот город узнать. И по воздуху.

– И как все будет, Игнат? Я помню про то, что ты мне рассказывал о себе. Не преувеличивал?

– Преуменьшал даже.

– Мне не сложно пересмотреть гардероб, и отчитываться перед тобой, и...

– Нет, – оборвал он, и покачал головой. – Не нужно.

– Почему?

– Я хочу попробовать без всего этого, Слава, – мы остановились на набережной. – Без контроля, без допросов. С тобой хочу по-нормальному. Мне раньше эти мои качества не мешали, я как-то не предполагал, что встречу такую нежную девочку. А сегодня решил – к черту.

– Мне, если что, не сложно подстроиться. Имей в виду.

– Сначала не сложно, а потом станет невыносимо. Лучше начать правильно, – он обнял меня, прижал к горячему телу, и прошептал: – Но не настолько правильно, чтобы я сегодня же не затащил тебя в кровать.

– Эй, – рассмеялась я.

– Слав, я все понял. Будем гулять, разговаривать, ходить на свидания, и вообще утром, днем и вечером я буду примерным мальчиком. Но не ночью.

– Я подумаю, – задрала я нос.

Наверное, сегодня не стоит идти к нему, хотя... а почему не стоит-то? Зачем терять время?

Или лучше подождать?

Ох, нужно подумать. Игнат говорит, что у него нет опыта отношений, но ведь и у меня его нет. На этом поле мы равны.

– А почему ты такой? Ну, этот контроль?

Игнат облокотился спиной о парапет, и я прижалась к его груди. Закинула руки на его шею, и... так это естественно – стоять так близко, обнимать его, слышать, как бьется его сердце. Непривычно, волнующе, смущающе, но естественно.

И безумно приятно.

– Почему я псих?

– Ты не псих, – нахмурилась я. – Но, если это не тайна, то расскажи, в чем причина. Если она есть, конечно.

– Причина всегда есть. На самом деле, это ерунда, и будь у меня немного иной характер, все было бы нормально, но... видимо, предпосылки были, Слав.

Игнат замолчал. На его лице сомнение, и я понимаю его – все же, мы слишком мало знакомы. Страшно представить, но меньше суток. Потому я уткнулась щекой в его плечо, рассматривая Неву, и прошептала:

– Если не хочешь – не рассказывай. Я не обижусь. Понимаю, что это личное.

Он провел ладонью по моей спине, и я не смогла сдержать улыбки, когда рука достигла моей талии. Я буквально почувствовала, как трудно было Игнату остановиться, и не опустить ладонь ниже. Но не станет же он лапать меня среди толпы местных и туристов.

– У меня мама, младший брат и дедушка были. Брат только учился ходить, совсем мелкий был. Дедушка болел, а мама... она добрая была, веселая. Только очень молодая. Слишком молодая и веселая для того, чтобы быть нормальной мамой, – начал Игнат. – Я поначалу мало что замечал, любил её очень. Потом мама начала мужиков водить к нам домой, всё любовь хотела найти, но не очень ей везло. Приходили эти мужчины на ночь, иногда даже уносили с собой то, что понравится. Дед остановить это не мог, он не такой старый был, но очень тихий, и часто болел. А мама... наверное, мне было бы проще, если бы она была злой, и била бы нас.

– Почему тебе было бы проще? – прошептала я, не понимая его.

– Я бы смог её ненавидеть. Но она всегда улыбалась. И

счастливой была несмотря ни на что. Хоть и была дурной, как я сейчас понимаю – на глазах мелкого мужиков своих ублажала, да и я многое видел. Слишком многое. Потом пить начала, – глухо добавил Игнат, – работы менять стала, её выгоняли постоянно. Не только за алкоголь, но и за поведение. Она молчать не умела. Ей нагрубят – она отвечала, и плевать ей было, кто это – коллега, начальник, министр. Хоть кто. И всё на мои плечи свалилось: забота о младшем брате, о дедушке, о том, что нужно прогнать очередного любовника мамы. Её приходилось искать зимой, чтобы не замерзла где-то на остановке. Еду нужно было искать. Прием лекарств дедушкой контролировать. Мне просто приходилось всех контролировать, Слав, и я думал, что это нормально. Ни мама, ни брат, ни дедушка не говорили мне не лезть, и что я маленький еще для такого поведения.

– Слушались?

– Слушались, да. И благодарили, – Игнат усмехнулся мне в волосы, зарывшись в них лицом. – Мама несмотря на своё поведение и пристрастие к алкоголю не озлобилась, но сейчас я понимаю, что ей стыдно было. Просто она не умела иначе. Хвалила меня, называла главой семьи и хозяином в доме, а какой глава семьи из семилетнего пацана? Но я им был. Стирал сам, за мелким следил, за дедушкой, за мамой. Её постоянно заставлял готовить, помогать мне с уборкой. Деда выводил на прогулки, чтобы не лежал постоянно на кровати, и... привык, знаешь.

Я прижалась к нему крепче, сердце так в груди бьется, что этот шум оглушает. Ну и детство! У меня-то все было отлично: захотела в балет, и семья со мной переехала в столицу. И жила я не в интернате, а дома, в большой комнате, которую ни с кем не делила – ни с братом, ни с сестрами. Каникулы на Средиземном море, выходные с семьей в Париже или Риме, да и педагоги нас возили на выступления в Европу. В той же Лозанне я золотую медаль взяла.

Из испытаний у меня только травма, да и то права Нина Васильевна – у каждого артиста и спортсмена такое случается. Причем, случается не раз в жизни.

– Не стоит меня жалеть, я не для того тебе это рассказал. Сложно было, конечно, но я не сказать, что страдал. Маму я любил, пытался её от привычки пить избавить, но не получилось. Брата вырастил, деду достойную старость подарил, он до моего девятнадцатилетия дотянул, застал мой дембель. Вот и причина. Я просто привык к контролю над всеми с детства. Это плавно перешло в армию, и так случилось, что меня все слушались – там в основном-то были мои одноклассники, но зеленые совсем, по мамкам скучали, и не знали, как вдали от дома жить. С армии вышел, и с парнями начали бизнесы строить: некоторые прогорали, некоторые взлетали, и я продавал их. Переговоры, постоянные встречи, власть... после детства мне казалось, что я могу все, и я действительно могу если не все, то почти все. Вот только проблемы усугубились с возрастом, и мне это не мешало, даже помогало. А тут ты.

– А тут я, – выдохнула я, и подняла на него глаза.

И улыбнулась.

Раньше я бы подумала: «Кажется, я влюбилась»

Сейчас мне не кажется. И я не влюбилась.

Я полюбила. Раз и навсегда.

Глава 9

Наши дни

Первое, что я почувствовала – это головная боль. Тупая, словно кто-то методично вдавливают в виски тонкие иглы.

И тошнота. Жуткая. От слабого запаха сигарет, пропитавших все вокруг. От ароматизатора.

Кажется, я была в обмороке часы, и абсолютно потерялась во времени. Открыла глаза, и поняла – я в машине, на переднем сидении, в нашем подземном паркинге. А рядом... нет, мне ведь это показалось? Он не мог приехать?

Повернула голову влево, и застонала.

Игнат. Здесь, со мной. Значит, мне не померещился он... к сожалению.

– Сейчас поедем в больницу, – встревоженно произнес он. – Я успел тебя поймать, но мало ли.

– Мы не поедем в больницу, – покачала я головой, и тут же пожалела об этом – затошнило еще сильнее. – Почему у меня мокрое лицо?

Игнат кивнул на бутылочку с водой.

Значит, пытался меня в чувство привести? Как мило с его стороны. Сейчас растаю от такой заботы.

Вдохнула воздух через стиснутые зубы, и буквально при-

казала себе не язвить – ни мысленно, ни вслух. Номер явно не пройдет.

– Что ты делаешь? – отшатнулась от Игната.

– Пристегиваю тебя. Мы в больницу.

– Все нормально!

– Все НЕ НОРМАЛЬНО! Ты в обморок упала.

– От «радости» видеть тебя, – прошипела я. – Может, сделаешь для меня хоть что-то хорошее, и уедешь туда, где был все эти месяцы?

Дурнота потихоньку отступает. Обмороки – не моя тема, я на удивление здорова, врачи радуются. Да и сама я за собой слежу – питание разработала совместно с диетологом, чтобы ребенку поступали нужные витамины; да и сами витамины я пью в нужном размере. И гимнастикой для беременных занимаюсь.

Свежий воздух, фрукты... сейчас все для ребенка, чтобы хоть как-то компенсировать свои к нему чувства. Которых как не было, так и нет.

Я открыла дверцу, и вышла на относительно чистый воздух. Сразу стало хорошо – присутствие Игната больше не давит, мне теперь некомфортно находиться с ним в закрытом пространстве.

– Слав, не капризничай, едем в больницу, – устало произнес он, выйдя за мной. – Мы поговорим потом, и все уладим.

– Мы ничего не уладим. И говорить о прошлом я не желаю.

Я даже думать не хочу о том, что между нами было в последние дни нашего романа. Вот бы стереть память, и вспоминать только приятное, оно ведь было. И много. Но помнится почему-то только о самом плохом, и это плохое перечеркнуло абсолютно все.

– Я...

– Ты просто сломал мне жизнь. Так что уезжай, – пробормотала я, и пошла по парковке.

Сейчас я просто хочу домой.

Я не верила, хотя искренне хотела, чтобы Игнат оставил меня в покое. Но, разумеется, он пошел за мной. Думала, схватит, и силой затащит в машину – это в его репертуаре.

Но он не прикоснулся ко мне.

Знает, как я отреагирую на его прикосновение? Помнит?

Я вышла на улицу, и направилась к дому. Ребенок тревожно зашевелился, завозился во мне, и я привычно погладила живот – дочка всегда успокаивается от моих прикосновений, может, чувствует их?

– Кто? – коротко спросил Игнат.

Остановилась, не дойдя до входной двери.

В дом я его не поведу. Не хочу, чтобы родители узнали. Чтобы Игнат разговаривал с ними. Мне ведь удалось обмануть папу, да и мама не лезет мне в душу. Но после визита Игната они все поймут, почувствуют.

Нельзя, чтобы они узнали обо всем, через что я прошла.

– О чем ты? – повернулась к Игнату лицом.

– Мальчик или девочка?

– Тебя это не касается!

– Только не говори, что ребенок не от меня. Я не поверю.

– Надо же, – усмехнулась горько. – И года не прошло, как из шлюхи я превратилась для тебя в святую. Ты же сам мне говорил...

– Я ошибся, – перебил Игнат глухо. – Крыша поехала, Слав. Вообще не понимал, что творю. Прости. Прости меня, пожалуйста.

Такое вообще можно простить? То, что он со мной сделал?

Только женщина, лишённая любви к себе и самоуважения способна после такого простить мужчину. Как бы сильно она его ни любила.

А я любила. И сильно.

– Девочка, – выдохнула я. – У меня будет дочь.

– У нас, – поправил меня Игнат.

– У меня.

– Слава, – он сделал шаг мне навстречу, и я отшатнулась. – Черт, боишься меня? Не стоит. Я... ты ведь знала, какой я, – Игнат сжал ладони в кулаки, и остановился. – Ладно, я не стану к тебе прикасаться. Слав, сейчас все нормально, я долго ходил к психологу. И... и я понял, что натворил. Не сразу, примерно через полтора месяца после твоего ухода. В ужас пришел от самого себя, сначала хотел за тобой погнаться сразу. Я ведь не прекращал тебя любить.

– Не нужно об этом, – взмолилась я.

Но Игнат не услышал меня, или сделал вид.

– Остановился. Заставил себя не трогать тебя, ведь тебе так лучше. Без меня.

– Но ты приехал. Зачем?

– Рамиль тебя видел. Прислал фото. После этого я не мог не приехать, – Игнат окинул мой живот взглядом. – Мы можем все наладить, я работал с психологом, тебе ничего не грозит.

– Нет!

– Я в любом случае не смогу оставить ни тебя, ни свою дочь. Тебя я люблю, и её уже тоже. У тебя нет выбора, прости, – произнес Игнат без капли сочувствия.

Любит он меня... да лучше бы не любил. Лучше бы мы вообще не встретились в этом мире! Но ребенок... я знаю, как он относится к малышам. Знаю, что хотел детей. И детей он никогда не обижал.

Боже, как странно. Я ношу под сердцем дочь, и не испытываю к ней любви, а Игнат её уже любит!

Эта мысль чуть с ног меня не сбила. Сколько месяцев я тихо ненавидела себя за отсутствие чувств к собственному ребенку, и сейчас эта ненависть достигла точки кипения.

Я ужасна.

Так не должно быть.

Всего этого вообще не должно было случиться!

– Ты знаешь, когда я забеременела? – прошептала я. – В

тот самый день. В последний. Думаешь, я рада ей?

– Слава...

– Я не рада, – всхлипнула я. – Не рада тому, что беременна. Она есть, – ткнула я себя в живот, и слизнула соленые капли слез с губ, – а я не могу её любить. Собственную дочь! И, наверное, не полюблю, даже когда она родится. Все время вспоминать буду, что ты сделал.

– Мы все решим, – глухо бросил Игнат.

Лицо его напряжено, остро и жестко. И полно ненависти также, как и мое. Только кого он ненавидит? Меня? Себя?

Я ненавижу нас обоих.

– Не решим. Тогда не решили, и сейчас не решим. Ты приехал шантажировать меня ребенком?

– Я приехал за вами обеими. Как бы ты ко мне ни относилась, я – отец нашей дочери. И люблю вас обеих. Я все исправлю, – Игнат снова шагнул мне навстречу.

Я покачала головой, и он остановился.

– Слава, я не оставлю свою дочь. Тебе придется принять меня в свою жизнь, – повторил Игнат, вызывая во мне волну истеричной паники.

Он меня не оставит.

И дочь. Он её любит, он умеет обращаться с малышами, а я... я всегда буду помнить обо всем, глядя на нее. И постоянно видеть при этом Игната.

Я не справлюсь. Я уже не справляюсь.

– Не придется. Ты не хочешь оставлять свою дочь? – мерт-

взя от ужаса спросила я. – Если ты и правда будешь любить её, то... то я отдам тебе ребенка.

Боже! Неужели я это сказала?

Руки затряслись, я прижала их к губам, и сдавленно расплакалась.

Глава 10

8 месяцев назад

– Ой, – испугалась, схватилась за смеющегося Игната. И сама рассмеялась. Хороша балерина – на ногах не устояла.

– Я куплю тебе побольше зонтов, всегда носи с собой. Это Питер, малышка. То снег, то дождь.

– То все вместе взятое, – проворчала я.

– Мы как раз у моего дома. Удачно получилось. Зайдем? – предложил Игнат.

Я путаюсь в собственных чувствах. С главным я определилась, а вот с составляющими моего счастья – нет. Хочу постепенно, не торопясь, и в то же время хочу все и сразу. Странные мысли, глупые. Я жду прогулок, признаний, ухаживаний, чтобы Игнат добивался меня, а еще хочу прямо сейчас подняться к нему, скинуть одежду, и отдаться его рукам.

Губам.

Чтобы было жарко и стыдно.

Чтобы было хорошо и больно.

Чтобы были он и я. Мы.

– Идем, – Игнат потянул меня по улице, и ускорил шаг. –

Не хватало еще, чтобы ты заболела.

– Мы к тебе?

– Ко мне.

– А почему не в кафе? – я с улыбкой кивнула на милое, уютное заведение.

Там, за стеклами в разводах дождя, сидят люди, и вдыхают идущий от кружек аромат кофе. Кто-то глинтвейн попивает. Чертовски заманчиво, но не заманчивее предложения Игната.

– Почему не в кафе? Потому что твое место в моем доме.

– Очень удачно пошел дождь со снегом, да? И мы как раз рядом с твоей квартирой, – подколола я, сглаживая его резкость.

Мы вошли в арку, Игнат остановился. Плечи его немного опустились, расслабились.

– Я давлю, да?

– Я уже поняла, что ты не любишь, когда с тобой спорят.

– Останавливай меня, Слава, – нахмурился он. – Если хочешь, мы пойдем в кафе.

Я опустила глаза, и заметила, что в правой руке Игната зажата связка ключей. Без брелока... эх, а на моей связке ключей что только не навешано. Значок балерины; маленькая, вечно оцарапывающая меня Эйфелева башня; отобранный у папы еще в детстве значок футбольного клуба «Динамо», и еще Бог знает что.

– Поднимемся к тебе, – мягко сказала я, разжимая муж-

скую ладонь.

Сама достала ключи, и открыла калитку. А затем с улыбкой вернула связку.

Зачем спорить с ним по мелочам? Зачем останавливать?

– Дождь, и правда, пошел удачно, – опасно блеснул глазами Игнат.

– Удачно, но... сегодня ничего не будет.

– Посмотрим, – он притянул меня за талию.

И поцеловал.

Мы в темноте двора-колодца, звезд не видно, только капли дождя на мужских скулах, и в них отблески из чужих окон. Я хочу смотреть, но целоваться лучше с закрытыми глазами. Чувствовать его мягкие губы, настойчивый язык, наполнивший мой рот, захвативший меня в плен. И вкус, Боже, какой у него вкус!

Я бы так и стояла с Игнатом в этом пустынном, гулком дворе. Мне не холодно, я плотно вжата в мужское тело... мне жарко. От поцелуя, переставшего быть нежным, и от собственных мыслей. Я уже знаю, что такое близость, и подчинение мужской силе. И от знания этого, от картинок прошлой ночи ноги мои слабеют. Я бы упала, не держись я за Игната, не обнимай я его также безжалостно, как и он меня.

Может, черт с моими глупостями? Пусть он снова сделает меня своей, но... вдруг завтра повторится все то же, что было сегодня? Утро станет безрадостным, Игнат снова решит, что он не для меня, а я не для него?

– Мы посмотрим фильм, – взволнованно, чуть ли не заикаясь, выдала я.

Заставила себя отстраниться от Игната. Это было физически больно сделать, и холодно стало. Неуютно под этим дождем, смешанным со снегом.

– Посмотрим, – повторил Игнат, приподнял меня, и вошел в темный подъезд со мной на руках.

– Отпусти, ты чего?

– Темно. Не хочу, чтобы ты упала. Да и своя ноша не тянет, – усмехнулся Игнат, и поставил меня на ноги только у лифта.

Дурной какой. И офигенный.

Я старалась не пялиться на Игната, вести себя сдержанно, и прогоняла из головы пошлые мысли. Но они настойчиво не хотели убираться.

Тот же лифт. Тот же мужчина. Тот же темный, обжигающий взгляд. Все, как вчера, за исключением того, что я уже знаю вкус его поцелуев. И губы мои покалывает, когда я смотрю на него.

– Фильм, Игнат. Мы будем смотреть фильм. И никаких «посмотрим», – хрипло произнесла я, когда он пропустил меня в свою квартиру.

– Думаю, я сумею тебя уговорить. Стоять. Я сам, – Игнат придержал меня, запретив двигаться.

Свет он не включил. Я стою спиной к нему, жар снова опалает меня изнутри от его опасной близости. И прикоснове-

ния – невинные... почти. Его ладонь на моей, обтянутой кашемировым пальто, спине. Двигается неторопливо, к поясу, за который тянет.

Медленно. И вот, пояс свисает с талии, а я продолжаю стоять, как заколдованная.

– Я сама, – прошептала я, но руки к застегкам не протянула.

– Нет. Могу ведь я поухаживать за своей девушкой. Раздевать тебя буду только я, – выдохнул Игнат мне в затылок.

Я едва сдержала стон.

Он не заставил меня повернуться к себе. И не обошел. Просто обнял со спины, и я, не выдержав, откинула голову на мужское плечо, позволяя Игнату вести в этом танце. Пальцы его пробежались по моей груди, я не должна бы ничего чувствовать, на мне слой одежды, но... я чувствую все. Каждое нажатие, каждое движение.

Он расстегнул пуговицу на моей груди, и спустился ниже, еще медленнее, чувственнее. Это уже пытка, сердце колотится, стучит в грудной клетке так, что руки дрожат от набата и манкости этой темноты, пропитанной возбуждением.

Игнат расстегнул пуговицу на талии, и провел ладонью к низу моего живота.

Это плохо закончится. Или хорошо...

Я с писком отскочила под хриплый мужской смешок, и быстро стянула с себя пальто. А Игнат, наконец, включил свет.

– Боишься? – довольно оскалился мужчина.

– Не дождешься. И... я серьезно, сегодня ничего не будет.

Мне еще немного больно, – смутилась я под его взглядом, и протянула пальто. – Нужно подождать.

– Можем попробовать кое-что другое.

– Игнат, – рассмеялась я нервно, – ты только о сексе думаешь?

– О сексе с тобой, – он повесил нашу верхнюю одежду в шкаф, в один шаг наскочил на меня, и снова подхватил на руки. – Ты чертовски аппетитная, как можно не думать о том, как раздеть тебя?

– Пусти, дурной, – расхохоталась я, и засучила ладонями по его спине. – Игнат, ну хватит меня таскать!

– Притащил, – мир перевернулся, он усадил меня на диван, но не отпустил.

Отстранился на миг, рыкнул, сжал мои щеки пальцами, и впился жестким поцелуем в губы. Боже, ну что он творит? Я протестующе замычала в его губы, но оттолкнуть не смогла, впустила в рот его чуть шершавый, горячий язык, и несмело попробовала его.

Внизу живота тянет, лава разливается по телу огнем, я снова послушна мужским рукам, губам, подстраиваюсь под Игната. И... обнаруживаю себя лежащей под ним на диване с раздвинутыми ногами, между которых он и устроился.

– Нет, – покачала я головой. – Игнат, нужно подождать. Ты... если я откажу, ты пойдешь на сторону за сексом?

– Я не настолько озабоченный. Дьявол, – ругнулся он, и добавил несколько словечек покрепче. – Прости, малышка. Постараюсь не материться, не морщись. Просто не знаю, как от тебя оторваться. И не переживай, на сторону я не пойду. Смотрим фильм? – спросил он с неудовольствием.

– Что-то имеешь против кинематографа?

– Что-то имею против того, что ты не голая подо мной. Хм, я говорил, что не озабоченный? – коротко хохотнул Игнат, оттолкнулся на руках, и поднялся с меня. – Солгал. Не верь мне.

– Буду иметь в виду. Можем не смотреть фильм, а заняться чем-то другим. Кстати, – воодушевилась я, – завтра я иду в театр, представляешь?

– Зачем?

– Мой педагог замолвила за меня словечко, – я залезла с ногами на диван, и придвинулась к Игнату ближе – тянет, словно магнитом к нему. – Нина Васильевна раньше ругалась, что составов на постановки много. Говорила, что в её время было по одному составу, и так и должно быть. Так вот, скоро ставят «Спартак», набирают еще один состав, и если я покажу класс, то получу роль. Представляешь, возможно, даже главную!

– Главную? – чуть нахмурился Игнат. – Думал, что на сольные партии берут своих, ты ведь не из Петербурга.

– У меня есть фора. Я ведь по конкурсам все детство моталась. В Лозанну, в Хельсинки, в Париж... и я танцевала с

первого же класса. До сих пор помню, как выходила в «Спящей красавице», одной из амурчиков была, – я улыbnулась, вспоминая то свое детское волнение. – Мое имя на слуху. Разумеется, пока я никто, и звать меня никак, но победителей балетных конкурсов помнят, и дают шанс. Так что я могу получить либо роль рабыни, либо куртизанки, либо... либо кордебалет. Но я буду танцевать! Представляешь, Игнат?

Я забыла про стеснение, и про то, что не стоит соблазнять его своей близостью, потому что как бы самой не соблазниться тоже. Забралась на Игната, села на его колени, и обвила мощные плечи руками.

– Я, конечно, еще не получила роль, но... Игнат, я хочу, чтобы ты был на премьере. Чтобы только на меня смотрел, даже если я буду исполнять роль мебели.

– Ты ведь говорила про травму.

– Это ничего, – отмахнулась я. – Да, ногу нужно беречь, я еще не восстановилась, но танцевать уже можно. Все выяснится завтра, – чуть встревожилась я. – Я и сама узнаю, на что способна. Завтра в одиннадцать. Ты... ой, я помню, ты говорил про балет, и... Игнат? – я еще больше встревожилась, вглядываясь в его не особо счастливое выражение лица. – Ты же не злишься?

Глава 11

Балеринам положено беречь ноги. Этому нас учили сизмальства. Нина Васильевна даже рассказывала, как ходила на статусные мероприятия – просто появлялась, её фотографировали, и она уезжала минут через десять, отдав дань уважения.

Танцы, тренировки и растяжки должен сменять отдых.

Да, ноги нужно беречь, но в отель я неслась, как на крыльях, и только у входа притормозила. Как раз засветило солнышко, настроение не прекрасное, а божественное. Восхитительное!

Нужно обрадовать родителей, но сначала... сначала Игнат.

– Да, – ответил он почти сразу.

– Привет. Роль моя! – я чуть ли не визжала от радости. – Моя, Игнат, представляешь? Я... я так счастлива!

– Что за роль?

Игнат ведет себя сдержанно, как и вчера вечером. Он не запретил, не выразил словами своего неудовольствия, хотя я понимаю и помню – ему все это не нравится. Но он привыкнет, поймет. Должен понять!

Ночью я попросила отвезти меня в отель, и заснуть я смогла далеко не сразу. Паниковала, смотрела на часы, и счита-

ла время, через которое я должна буду встать, умыться, приготовить пуанты, колготы и боди. Эта рутина привычна – немного перетянуть грудь, соорудить тугую прическу, и залакировать её так, чтобы ни один волосок не выбился.

Я так и сделала. Но не выпалась жутко, и думала, что провалюсь. Даже мысль была не ходить, и не позориться. Травма все еще дает о себе знать, труппа незнакомая, но я справилась.

Смогла.

– Сначала на меня взглянул руководитель труппы, потом позвали художественного руководителя. Я была согласна и на кордебалет, многие ведь лет по семь танцуют пятого лебеда в третьем ряду, и ничего. Но мне дали роль! – воодушевленно делилась я с Игнатом. – Спорили, что мне подойдет больше: быть возлюбленной Спартака – Фригией, или же Эгиной. И я – Эгина!

– А Эгина это кто?

– Это куртизанка, погубившая Спартака, – пояснила я.

Всегда меня такие роли привлекали – сложные, не самые положительные. И мечта сбылась!

– Это всего лишь роль, – хихикнула я. – Так что не сердись. Я буду танцевать, а не...

– Да я понял, что ты будешь исполнять роль. Не такой я дремучий, – фыркнул Игнат.

Пожалуй, описывать ему сюжет не стоит. На премьеру я Игната затащу, он – обыватель, и не поймет, что в иногда

танец обозначает оргию, и роль у меня – самая та.

Моя мечта! Боже, как же хорошо, что я приехала в Питер! Наверное, ничего плохого больше в моей жизни и не случится – есть Игнат, есть театр. Главное – не упустить все это.

– Скоро начинаю репетировать в труппе. И ты просто обязан прийти на премьеру!

– Раз обязан – приду, – рассмеялся Игнат. – Поздравляю, малышка. Правда, поздравляю. Знаю, каково это – получать желаемое, и как от этого колбасит. Чем сейчас займешься?

– Буду заниматься, конечно. Чем же еще? Растяжки, позиции, фуэте – все, как обычно. И тебя буду ждать с работы.

– Если что, ключи от моего дома у тебя есть, – напомнил мужчина. – Ты можешь заниматься всем этим не в жутком хостеле, а у меня.

Ключи Игнат мне дал вчера. Просто протянул связку, когда проводил до входа в отель. Я приняла, и он уехал.

– Ты можешь приходить в гости. Или же собрать все вещи, и переехать. Я бы предпочел второй вариант.

– Слишком быстро, – вздохнула я. – Давай не будем торопиться. Обычно это ни к чему хорошему не приводит.

– Не в нашем случае, – отрезал Игнат.

Я услышала в трубке мужские голоса, и шуршание бумаг.

– Вечером увидимся. Не буду отвлекать. Работай, – я звонко чмокнула. – Целую! Пока.

Сбросила вызов, и пару минут стояла с глупой улыбкой у входа. Почему-то заходить не хочется. Хотя... какое поче-

му-то? Вдруг там Женя? Поговорить с ней придется, я ведь видела ее сегодня, и ее удивленное выражение лица, которое она скрыть не смогла.

И того самого второго режиссера видела. Жоржика, Жорика, или как там его? Он единственный из всех, кто настаивал, чтобы я была либо одной из куртизанок, либо, на худой конец, исполнила роль Пастушки.

Пастушкой, в итоге, станет Женя.

Я стояла, ловила лучи солнца, к которому приближались темные тучи, и звонила всем, кому должна. Нине Васильевне, обрадовав её, что не зря в меня столько сил вложила; лучшей подруге Вере, оставшейся в Москве.

И родителям. Они обрадовались моему успеху, но сдержанно. Всё о травме моей переживают. Да, нога болит, но пока я танцевала – все прекрасно было. И будет! Я не планировала в Питере оставаться, просто приехала развеяться, но... теперь точно не уеду.

Театр.

Роли.

Игнат.

Игнат держит сильнее всего, наверное. Главное – саму себя останавливать, и не спешить. Пусть все развивается у нас постепенно, плавно, по нарастающей. Это ведь странно будет, если я через день после знакомства поселюсь у него.

И родители не поймут. Папа вообще будет в ярости, наверное. Мама-то со мной еще в тринадцать заговорила про

контрацепцию, про то, что если я вдруг не подумаю о последствиях, чтобы не боялась, и проходила к ней, а не шла за сомнительными таблетками.

Маме я бы доверилась, а папе... папе – страшно. Вдруг приедет, и силой меня домой потащит?

Я вздохнула, и вошла в отель. Наш с Женей номер на первом этаже, до него от ресепшен девятнадцать шагов. На двадцатом я открыла дверь.

– Сука!

Подруга встретила меня визгом. И в меня полетела моя же массажная расческа, угодившая не в лицо, а в шею.

– Жень...

– Ты! Сука! Сука, понятно тебе? Ооо, я всегда знала, какая ты, – выкрикивала она. – Вечно меня задвигала. И в училище, и теперь. Кому ты дала, чтобы партию получить? Много кому отсосала? Или, может, анал? Кому? Отвечай!

– Давай поговорим, – я подняла с пола расческу.

Этого следовало ожидать – Женя на язык несдержанная. Сначала мы на ножах с ней были. Но однажды бойкая Женя вступилась за меня перед другими, выручила, и мы сдружились. Пусть я и обижалась на её резкость, но... привыкла. Она ярко вспыхивает, но быстро отходит.

– Поговорим? А раньше почему мне не рассказала? – подруга открыла шкаф так резко, что чуть дверцу не сломала, и ворохом бросила на пол мои вещи. – Я-то, дура, тебе все выкладывала! Идиотка просто! Специально с Жорой позна-

комила, чтобы тебя, убогую, продвинул. А ты кого-то лучше нашла, да? Мне ничего не сказала, за меня и не подумала впрячься, устроила сюрприз, мать твою! Хорошо что я сегодня поехала на распределение, и увидела, что ты из себя представляешь. Ты...

– Я не знала, что получу роль. Потому и не говорила. Жень, давай успокоимся, – сделала шаг к ней, но Женя отвернулась, и вытащила остатки моих вещей, отправив и их на пол. – Перестань! Что ты как маленькая? Я не через постель в театр попала, Нина Васильевна за меня словечко замолвила, чтобы на смотр взяли. Роль мне никто не обещал.

– Ну да, не через постель, – она зло пнула клубок из моей одежды. – Хромоножка, и Эгина. А я – гребаная Пастушка. Ненавижу тебя! В очередной раз ты мне в лицо плюнула, и даже сейчас это твое «не через постель» – пропела Женя, передразнивая меня. – А я через постель! И если бы не ты, роль бы я получила. Но ты, как обычно, приперлась, и все испортила.

– Жень...

– Дрянь! Что ты Женькаешь? Что? – проорала она так, что в стену нам задолбили.

– Ничего. Остынешь – поговорим. У всего есть границы, – кивнула на свои вещи, на сломанную косметику.

Женя неплохо постаралась, и раскрошила даже тени для век.

Я и понимаю её, и... раздражает.

– Так проваливай, раз есть границы!

– А знаешь, так и сделаю, – отпихнула её с пути, достала чемодан, и буквально за пять минут сложила в него вещи, которые придется отстирывать после не самого чистого пола; зарядку от телефона и уцелевший парфюм.

Схватила сумочку, и вышла из отеля.

Да пошла она! Истеричка!

Нет, я готова извиниться – не хотела ругаться с Женей, и промолчала, да и не ожидала её сегодня встретить. Но такое творить из-за роли, полученной мной честно? Это перебор. Нужно еще обувь проверить, а то вдруг стекла накрошила, или белье какой-то мазью натерла – с Женьки станется.

Пусть она извинится, а потом уже и я попрошу прощения. Иначе дружбе конец.

Я выселилась из отеля, намереваясь найти новый. Приличный. Чтобы Игнат не подшучивал, что я живу в клоповнике. Да, я намеревалась, но... на улице снова дождь. Промозгло. Солнце окончательно покинуло город.

Искать отель, бронировать, въезжать в него, и привыкать? Или вызвать такси, и поехать к Игнату?

Хочу к нему!

Я достала смартфон, открыла приложение заказа такси, и уже через пятнадцать минут водитель остановил авто у ворот в дом Игната.

Глава 12

Я несмело вошла в квартиру, сняла верхнюю одежду, и взялась за чемодан.

Так, а куда его нести? В спальню Игната? Это его спальня, или наша? И не лучше ли мне, все же, найти номер в отеле?

Но дома так тепло, а за окном вечная питерская жесьть.

Значит, нужно предупредить Игната, что я воспользовалась его предложением?

– А вдруг он из вежливости предложил? Вдруг не сильно обрадуется?

Ясно, что не напишет мне, чтобы я выметалась, но... позже. Наберусь смелости, и напишу ему, что я вроде как в гости приехала. Не насовсем, а временно, да.

Чемодан я занесла в гостиную, и положила рядом с диваном. На нейтральной территории. Нужно заниматься, растягиваться, но раз уж я приехала к мужчине, то сначала ужин, так? Мама любит хлопотать по хозяйству, и нас учила – не только меня с сестрой, но даже брата.

Я помыла руки, заглянула в холодильник, и фыркнула – фигурально выражаясь, мышь в нем покончила жизнь самоубийством очень и очень давно. Имеется аж два десятка яиц, сливки, бутылка масла и салами. Вот и все богатство.

– Бедновато, Игнат. Ой, бедновато, – проворчала я, и по-

шла за смартфоном, в котором есть весьма удобное приложение для доставки продуктов. – Так и гастрит заработать недолго. Ну ничего, я это исправлю. Сам виноват, нечего было ключами раскидываться.

Буквально через двадцать минут курьер привез три пакета продуктов, и я увлеченно начала раскладывать их по полкам холодильника. А некоторые оставляла на столе.

Так, сделаю гуляш, пюре, брускетты и, пожалуй, мясо на гриле. Не знаю, какую Игнат любит прожарку, зато я отлично умею работать со специями.

Я, напевая, принялась готовить. Это оказалось легко и даже как-то приятно – кухня у Игната укомплектована, а утварь будто только-только с магазинной полки. Ну вот и зачем все эти кастрюли, сковородки, и миллион ножей, если ими не пользоваться?

Я взяла, и воспользовалась. С немалым удовольствием. Готовить я не ненавидела, но это и не было моим хобби. Пожалуй, только в раннем детстве я обожала на День Матери и День Отца приносить родителям завтраки в постель – жуткие завтраки, как я сейчас понимаю, но они ели и хвалили мои кулинарные потуги.

Сейчас я с не меньшим наслаждением и предвкушением готовила. Надеюсь, Игнату понравится.

Управилась я за два часа, быстро ополоснулась, и принялась за рутинную растяжку. Со станком я что-нибудь придумаю, пока мне достаточно того, что здесь есть зеркало в пол-

ный рост, и на мне пуанты. Начала я с растяжки, затем встала в обычную вторую позицию, и началась обычная работа.

А Игнату я напишу попозже. Время еще есть. Или вообще не писать? Приедет, увидит меня, и я по глазам пойму, рад он, или притворяется. И тогда уже буду решать. Даже если не обрадуется, то ничего страшного, это не повод расставаться, просто съеду, и со временем все у нас будет. Как я и хотела – плавно.

Я сняла пуанты, сев на пол, и начала разминать ноющие ступни.

И тут дверь открылась. Послышались мужские голоса... черт, гости?!

– Вкусно у тебя пахнет. Обычно я будто в химчистку захожу, а сейчас... мmmm!

– И правда, – донесся до меня знакомый, пробирающий тембр Игната.

Ну я и дура, все же. Трусиха! Нужно было написать, или позвонить. Чего я испугалась-то?!

Бросила пуанты в открытый чемодан, и вышла в коридор. Игната сразу нашла глазами, и заметила, как довольно он блеснул глазами при виде меня.

Уф, пронесло.

– Вот так сюрприз, – он поманил меня к себе. – Паш, смотри, кто у меня.

– Слава, да? – кивнул мне высокий блондин.

– Да, моя Слава.

– Очень приятно, – пробормотала я.

Подошла к Игнату. Целовать не планировала – не при посторонних же, но мужчина рассудил по-другому. Наклонился, и коротко, но страстно поцеловал меня, ничуть не стесняясь... друга? Коллегу?

– Охрнительно приятно возвращаться домой, где меня ждут, – прошептал он мне прямо в губы. – Пахнет очень вкусно. Доставку заказала?

– Я сама приготовила. Так, на скорую руку.

Игнат довольно оскалился, явно забыв, что не один. Но Павел напомнил о себе вежливым покашливанием.

– Быстро вы, ребята. Кстати, я Павел. Лучше Паша.

– Главное, не Павлик и не Павлуша, – хохотнул Игнат. – Его бабушка так называла.

– Угу. Из окна высовывалась, и на весь район кричала: «Павлуша, иди кушать!» – усмехнулся этот двухметровый Павлуша. – Я ненадолго. Посмотрю, какой мебели не хватает, составлю запрос своим менеджерам, и сделаем доставку.

Я вопросительно взглянула на Игната, и он пояснил:

– Это друг мой. У него сеть мебельных. Я надеялся тебя заманить к себе, обставив квартиру нормально. Не думал, что это не потребуется, – Игнат проводил удалившегося Павла, и прижал меня к стене своим телом. – Соскучился по тебе, малышка. Отличный сюрприз ты мне устроила.

– Я хотела предупредить, но... не предупредила, – запнулась, подставляя губы под легкие поцелуи Игната. – Немного

поживу у тебя, хорошо?

– Плохо. Не немного, а всегда. Теперь я тебя отсюда не выпущу. Маньяк, помнишь?

Вот дурак! Я хихикнула, и выскользнула из капкана мужских рук.

– Вообще-то, молодой человек, раз уж надумал девушку заманить в квартиру, то нужно было действовать не так. Не обставлять дом мебелью, а предложить девушке все обустроить по своему вкусу. Учись на будущее. Или ты хочешь все устроить так как тебе нравится, а девушки как-нибудь привыкнут?

– Какие такие девушки?

– В данный момент – я.

– Время нам отмерила? – рыкнул он весело. – Ну уж нет. Не подумал, Слав. Решил, что тебе скучно будет этим заниматься, и не стал напрягать. Хочешь сама посмотреть, где и чего не хватает, и заказать?

Я несмело кивнула.

Я и правда очень этого хочу. Квартира гулкая и пустая. И в ней катастрофически не хватает милых мелочей. Ясно, что фигурки котиков Игнату покупать ни к чему, как и тарелки на стену вешать, но пледы, подушки, оригинальные, но сдержанные украшения? Здесь многого не хватает. И мебели в том числе.

– Сейчас займешься этим?

– Давай я лучше вас накормлю. Заодно, познакомлюсь с

твоим другом.

Игнат на секунду нахмурился, и я добавила:

– Просто познакомлюсь. Вы ведь вместе росли? Давно знакомы? Или ты считаешь, что рано устраивать совместные посиделки?

– Ты права. Я могу ненадолго позвать всех: Пашину невесту, Рамиля с подругой и Игоря. Хотя с большим наслаждением я бы провел время наедине с тобой.

– Соблазнительно, – провела пальцем по его груди, наслаждаясь своей властью над этим мужчиной. – Но наедине мы побыть успеем. После того, как проводим гостей. Хочу посмотреть на тебя в кругу друзей.

– Хорошо, сейчас всем напишу. Ты тоже своих зови.

Я коротко покачала головой, не став объяснять, что произошло к нас с Женей. Не хочу настроение портить.

Игнат приобнял меня, еще раз впился в губы, и пошел за Пашей, по пути набирая что-то в телефоне.

Глава 13

Наше время

ИГНАТ

– Что ты сказала?

– Я... я отдам тебе дочь. Родится, и забирай! – выкрикнула Слава, умываясь слезами. – Все равно, я ничего к ней не чувствую. Так будет лучше. Так что как родится – приезжай за ней в роддом, а пока оставь меня в покое!

Не могу оставить.

Потому и держу, не позволяю Славе убежать от меня. И никогда не позволю.

– Ты не понимаешь, что говоришь. Ты просто не в себе, – покачал я головой.

– Тебе нравится так думать – что я не в себе. Могу бумаги какие угодно подписать, что ты получишь ребенка. Но с условием, что ко мне ты, Игнат, никогда не приблизишься, – попыталась она вырваться.

Нет уж.

Больше не позволю.

И слушать сейчас не стану то, что Слава говорит. Её слова – вода, потом сама же и пожалеет.

Или не пожалеет? Что, если она настолько ненавидит на-

шего ребенка, что готова отдать его даже не мне, а любому, кто попросит? Что, если она именно так и хотела сделать – оставить дочь в роддоме?

А аборт не сделала, потому что родители запретили...

– Идем, – приобнял Славу, не обращая внимания на её тычки и брыкание, и повел в подъезд. – Тише, моя хорошая. Я отведу тебя домой, тебе нужно отдохнуть.

– Тебе туда нельзя. Убирайся, – оттолкнула она меня.

И сникла.

Как-то резко. Только что была у Славы энергия, и будто всю её выкачали резко. Осунулась, обхватила себя тонкими, длинными руками, и даже слезы пропали.

– Тебе нельзя ко мне домой. Я ничего не рассказала родителям, я с ними сейчас живу. Нельзя, чтобы они узнали обо всем.

– Защищаешь меня? – через силу спросил, испытывая немалое к себе отвращение.

Слава не рассказала ни отцу, ни матери, почему мы расстались. Может, все еще любит? Потому и не поделилась. Хотя... дьявол, как можно любить меня после того, что я с ней сделал?

Я сам себе отвратителен. И не думал, что смогу так поступить с любой женщиной, не то что с любимой.

Но поступил. И этого не исправить.

– Я защищаю себя. Не тебя. Не хочу, чтобы они меня жалели, чтобы сидели рядом со мной и за руку держали. Жизнь

им не хочу портить.

– Значит, расскажу я, – кивнул я решительно, и подтолкнул Славу в кабину лифта.

– Ты не посмеешь!

– Я это сделаю. Пусть узнают.

– Зачем? – прохрипела она, и прижала пальцы к вискам. – Папа тебя убьет. А мама... мама заявление в полицию напишет. В тюрьму захотелось?

– Я ведь заслужил. Так что пусть убивают, пусть сажают. Пусть все будет честно, любимая моя.

Слава дернулась от моих слов. Не от того, что я сказал про свое убийство, а когда её любимой назвал.

Ей... неприятно? Горько?

Или, все же, что-то у нее осталось ко мне?

– Всегда по-своему поступаешь? А обо мне подумать не хочешь? Хоть разок, Игнат, – в голосе ее горечь.

– Я только о тебе и думаю.

И это правда.

Я с юности знал, что не совсем нормален. Мне важен был контроль, полная принадлежность мне. Потому и оставил мысль о семье, о серьезных отношениях, предпочитая общество профессионалок.

А тут Слава. И отношения, начавшиеся ненормально стремительно. Слишком быстро, как я сейчас понимаю.

Тогда я думал, что успокаиваюсь рядом с ней. Пытался сдерживать свою темную сторону, и иногда получалось. Ча-

ще всего. А в один момент у меня сорвало крышу, и я понял, что я не то что несколько ненормален, я – абсолютный псих. И поступил со Славой так жестоко, как только может поступить мужчина. Разве что не избил её, хоть на этом спасибо.

Но как только за ней закрылась дверь полгода назад, я начал скучать. И не смог перестать любить, не смог забыть. Вернуть хотел сразу же, поддаться своим демонам, и запретить Славу дома. Чтобы только моей была, чтобы слушалась беспрекословно. Запретить ей выходить без меня из квартиры, сделать полностью зависимой – это казалось соблазнительным.

Чтобы только моя была, и ничья.

Сдержался.

Заставил себя отпустить Славу. Чтобы жила счастливо, без меня. К мозгоправу пошел. Работы еще много предстоит, но многое внутри себя я уже переосмыслил, подлечил. Нужно было раньше идти к душеведам. В юности еще. Тогда я бы не испортил жизнь себе, Славе, и, возможно, нашей с ней дочери. Но ведь лучше поздно, чем вообще никогда.

Я твердил, и твердил себе, что Славе стоит дать свободу. Что я не буду ее искать. Твердил, но понимал, что скоро сорвусь, и поеду за ней, найду, где бы она ни была. А затем получил фото от Рамиля, и на этом фото – беременная Слава. К тому времени я уже знал, что она не виновата в том, во что я поверил. Я уже знал, что наказал её зря.

И приехал. Приехал, чтобы своими глазами увидеть, что

я с ней сделал. Потому, если её отец решит меня убить, то я даже от пули или ножа уворачиваться не стану. И наручники позволю на себя надеть.

– Ты думаешь только обо мне? – переспросила Слава, когда мы вышли из лифта. – Тогда не говори ничего моим родителям. Я не хочу, чтобы они знали о прошлом. Ты уступишь мне в этом?

Слава внимательно взгляделась в мое лицо. Требовательно, настойчиво.

Уступить ей? В мелочи – да, но не в таком.

– Я могу не говорить им сейчас. Расскажу позже. Вместе расскажем.

– Посмотрим, – кивнула Слава. – А я пока подготовлю маму к тому, что ребенка забереешь ты.

Она старается говорить о том, что отдаст мне нашу дочь спокойно и холодно, но в глазах стоит ужас.

Не верю, что Слава на это способна. Просто не верю.

Запуталась она. И я могу это понять.

– Я не стану забирать у тебя нашу малышку, – обхватил её плечи, хотел прижать к себе.

Хоть бы еще раз обнять, вдохнуть её цветочно-цитрусовый аромат. Поцеловать... просто, черт возьми, поцеловать.

И чтобы Слава простила меня, если это возможно. И даже если невозможно – пусть простит! Я на все готов ради этого.

– Тебе она тоже не нужна? – опустила Слава голову.

– Не говори так. Не смей даже думать о том, чтобы отдать

ребенка. Она мне нужна. И ты мне нужна. Не по отдельности, а вместе!

Я, все же, не сдержался. Преодолею ее сопротивление, и прижал к себе. На пару секунд смог позволить себе уткнуться в ее мягкие волосы носом, вдохнуть ее запах, почувствовать мягкость и нежность тела... и Слава вывернулась.

– Что здесь происходит? – услышал я недовольный мужской голос, а затем и увидел высокого мужчину с серебряными прядями в волосах.

– Папа, – начала Слава растерянно. – Это...

– Я Игнат, – подошел к мужчине, и протянул ему руку. – Антон Альбертович, могу я с вами поговорить?

– Поговорить? Ну входите в квартиру, Игнат. Поговорим. И вы объясните, что происходит, – недобро усмехнулся он, развернулся, и отошел от лифта в сторону коридора.

Глава 14

8 месяцев назад

– Арабеск... хорошо, спину ровнее. Михайлова, что с ногами? Арабеск, а не поза пьяного грузчика! – выкрикнула хореограф.

Аккомпаниатор невозмутимо играла на рояле, пока труппа занималась.

На удивление, вчера все прошло хорошо. Посиделки не удались – у Павла были дела, он дал мне номер менеджера, чтобы я договорилась по мебели, и мы перенесли дружескую встречу на сегодня.

После репетиции.

С утра Игнат отвез меня в театр, и я осталась. Рабочего графика пока что нет, но мне объективно необходимо вернуть форму.

– Булатова, арабеск. Выше, не сгибай колено! – Фаина Алексеевна подошла ко мне, и болезненно ткнула пальцем в бедро. – Взвешивание через неделю, кстати.

– Вес в норме, – задыхаясь ответила я, и продолжила работать.

– Вес – да, но рыхловата, – без обиняков заявила хореограф.

Согласна.

Напротив, в другом конце зала, тренируется Женя. И показательно меня игнорирует. Странно, что она решила работать с труппой, уверяла ведь, что время еще есть, и вдруг явилась и вчера, и сегодня.

Неужели мозги на место встали?

– Отлично, встаем в пятую позицию... – хлопнула в ладони Фаина Алексеевна.

Все исполнили, и продолжили тренироваться под довольно-таки едкие замечания. Я откровенно задыхалась. Все же, хоть я и занималась самостоятельно, но, как оказалось, себя я жалела. И делала все в полсилы. Теперь это заметно.

Я мокрая насквозь. Ноги дрожат, мышцы – кисель. Танцевать никогда не было легко, балет – это самый тяжелый спорт, и знали бы зрители, что происходит с прекрасным лебедем, убегающим со сцены за кулисы. Лебедь держится за бок, и пытается отдышаться. Утирает пот, пытаюсь не размазать грим, и возвращается на сцену.

– Танич, отлично. Хабарова – спину держи! Булатова – хорошо, но можно лучше. Следи за коленями, ты не лягушка, не жалей себя. Волынина, – с неудовольствием взглянула Фаина Алексеевна на Женьку, – руки деревянные, с плечами проблемы. Сходи на массаж.

– Хорошо, – буркнула Женя.

Никогда она не умела принимать критику. Странно, что в хореографическом продержалась. Знала бы мама, какими

эпитетами меня иногда награждала Нина Васильевна. При всех. Однако, мне это помогло – я из кожи готова была вылезти, чтобы она похвалила.

И добилась своего.

– На сегодня все! – отпустили нас, и я чуть не упала на пол от усталости.

Но собрала все оставшиеся силы, и поплелась в раздевалку.

– Ты где поселилась? Привет, – толкнула меня Женя.

– Мы разговариваем?

– Да ладно тебе, – суксилась она. – Ну характер у меня такой, будто ты не знаешь.

– То есть, швырять мне в лицо расческами и выкидывать мои вещи – это милые проявления твоего характера?

Я стянула пуанты, и без жалости выбросила их – грязные, на один раз буквально.

– Ты ведь тоже не святая! – сузила Женя глаза. – Наврала мне. Так что мы квиты.

– Жень, я не врала, я просто не рискнула тебе говорить про смотр. Знала, что ты скандалить станешь. И... если ты извинишься, то я тоже извинюсь, но никак иначе, – устало произнесла я, снимая одежду. – Не готова извиняться? Тогда давай просто не замечать друг друга.

Я взяла полотенце, обула сланцы, и пошла к душевым.

Женька за мной – тоже в резиновых сланцах, только не в голубых, а в розовых.

– Извини, что вспылила. Я просто разозлилась дико. У меня в кармане роль была, – зашептала мне Женя на ухо. – А ты пришла и всё сместилось, и не у меня одной. Я в шоке была, если честно. Прости!

Я взглянула на нее. В глазах Жени сожаление.

Вздохнула, и кивнула:

– Прощаю. И ты извини, что не рассказала про смотр.

– Мир?

– Мир, – улыбнулась я.

– Ну слава Богу, – рассмеялась Женя. – Думала, из-за своего гадкого характера я лишилась подруги. Ну я и устала! А эта Фая – такая гримза, тебя жирной назвала!

– Она указала, что у меня мышцы – так себе. И она права, Жень, – я включила воду, и встала под душ. – Если я быстро не приду в форму, то не выдержу такой темп со своими мышцами.

– Мне разонравился «Спартак». Кто вообще его зимой ставит? Обычно «Щелкунчик», а тут «Спартак» – отозвалась Женя.

Я пожала плечами, и прибавила напор воды.

Одним камнем на душе меньше – не люблю ссориться с близкими.

Я вышла из душа, и поняла, что забыла фен. Вот дьявол!

– Сушись сначала ты, – Женя протянула свой. – А то простынешь еще.

– Спасибо, – я взяла фен, и принялась сушиться, а затем

вернула его Жене, и пыталась пригладить волосы.

Они у меня, как и у мамы, прямые, блестящие, но если их не уложить – я превращаюсь в одуванчик. А ведь Игнат совсем скоро заедет за мной, и мы поедем в кафе вместе с его друзьями.

Ладно, хоть накрашусь, чтобы выглядеть прилично.

– Так где ты поселилась?

– С мужчиной, Жень. У него дома.

– Ого! И кто он? Один из премьеров? Хореограф? Антрепренер? – с жадным любопытством начала выпытывать подруга, параллельно рисуя себе стрелки.

– Он не из балетных.

– Покажи фотку!

– У меня их нет, – растерялась я.

Упущение. Нужно сфотографироваться с Игнатом, и на заставку экрана поставить. И вообще, почему это у меня нет его фотографий?!

– Тогда не верю. Стопроцентно, живешь с седовласым старцем-продюсером, – хихикнула Женья.

– Он точно не седовласый старец.

– Так познакомь! Или не простила меня?

Мы вышли в коридор, и я задумалась – знакомить, или нет? Игнат сегодня знакомит меня с друзьями, а у меня только Женья есть, и Вера. Но Вера не в Петербурге. А Женья...

– Мы едем в ресторан, – я остановила подругу у выхода, и проверила телефон. Игнат уже подъехал. – С его друзьями.

Жень, я могу взять тебя с тобой, но давай без намеков на постельные приключения, ладно? Это не наши ровесники, это взрослые мужчины, и могут подумать лишнее. Таких шуток они не одобряют.

– Я умею себя вести, – оскорбилась Женя. – Буду паинькой. Это с тобой я могу пошутить, а с посторонними, ясен фиг, нет. И в скатерть тоже сморкаться, так и быть, не стану.

– Спасибо, – рассмеялась я, и мы вышли на улицу.

Снова дождь, черт вы его побрал. И, вдобавок, промозглый ветер. А еще я забыла, что у Игната за машина. Хоть бы просигналил мне, что ли.

Вместо этого Игнат вышел из машины, и пошел нам с Женей навстречу.

– Опять без зонта, – покачал он головой, и раскрыл его надо мной и подругой. Склонился, и прижался к моим губам.

– Привет, – прошептала я, оторвавшись от него.

С трудом.

– Привет, – улыбнулся он мне. Пропустил прядь волос между пальцев. – Ты такая пушистая.

– Сильно плохо?

– Красиво.

– Думала, я как пудель, – хихикнула я.

– Самый обаятельный и привлекательный пудель, – подмигнул Игнат, и перевел взгляд на Женю. – Добрый вечер.

– Это Женя. Моя подруга. Мы вместе приехали, и в одной труппе. А это Игнат, – представила я их друг другу.

– Очень приятно, – пропела Женя, и мило улыбнулась Игнату.

Я успокоилась, взглянув на неё. Женька взяла себя в руки, остыла, и превратилась из злючки в мою подругу. Главное теперь – следить, чтобы она не пила ничего алкогольного, а то её понесет.

– Женя поедет с нами, – прошептала я. – Ты не против? Она... своеобразная немного, но в общем, хорошая.

Женя, и правда, неплохая. Резкая, стервозная, истеричная, но в детстве она меня защищала. Все наши, в основном, жили в интернате. Не все родители смогли прилететь в столицу, и жить со своими детьми – дорого это. А такие дети, живущие в интернате, взрослеют гораздо быстрее. Я же была домашней, и ребенком в полной мере. Женя, с которой мы сначала ссорились, поняла это, увидела, что я с трудом могу дать отпор другим. И начала делать это за меня. Выручала, защищала, делилась всеми своими тайнами. А в подростковом возрасте с ней что-то случилось, и начались перепады настроения.

Ничего, главное – она извинилась.

– Поедем со мной. Паша с Алиной, это его невеста, тоже у меня в машине. Поместимся, – кивнул Игнат.

И мы пошли к его авто.

Глава 15

– Так вот кто украл у меня Славу, – прошебетала Женя.

– Извиняться не стану. Мне Слава нужнее.

– Вообще-то, я знаю ее дольше, – шутливо возмутилась подруга, глядя на Игната. – Вечно вы, мужчины, являетесь, а мы лишаемся подруг.

– Никого ты не лишишься, Жень, – рассмеялась я.

Зря волновалась.

В машине все присматривались друг к другу. Паша мне еще вчера понравился – основательный он, серьезный. Алина, его подруга, скромная, хоть и выглядит как стервозная фотомоделль.

А сейчас мы в ресторане, и я уже успела познакомиться с Рамилем и его девушкой – Викой, а также с Игорем. И, вроде бы, меня приняли. Да и Игнат ведет себя со мной не как со временной подружкой. Мы сидим плотно, почти неприлично прижавшись друг к другу, и на спинке моего стула лежит рука Игната.

– Клевый ресторан. Мы проходили мимо него недавно, я начиталась отзывов, зашла, а меня выгнали. Очередь на неделю, – продолжила болтать словоохотливая Женька. – А сейчас пусто. Мы одни здесь. Наврали мне, что ли? Просто не захотели пускать? Может, жалобную книгу попросить, и

про прошлый раз написать?

– Жень, не воюй.

– Жалоба принята. Я – владелец ресторана, – Рамиль кивнул Жене. – Обычно здесь аншлаг, но раз в две недели я освобождаю ресторан для своих. Сегодня как раз такой день.

– Вау! Свой ресторан! – хлопнула подруга в ладони.

Я внимательно оглядела Женю и Рамиля, с неудовольствием отметив, что мужской взгляд устремлен в декольте подруги. И от спутницы Рамиля это внимание не укрылось. Женя, наоборот, приосанилась, выставляя на всеобщее обозрение свою грудь.

К слову, ей есть что выставлять. Кажется, она даже бюстгальтер не надела. Я к такому привыкла – у Женьки размер груди не самый подходящий для балета, и во время репетиций и спектаклей она всегда туго перебинтована. Поэтому Женя, когда работа завершается, предпочитает полную свободу. Можно понять, но в ресторан без бюстгальтера?!

Я с тревогой взглянула на Игната, и расслабилась – он не пялится на Женьку.

– Скажи, пожалуйста, – сердито обратилась к Жене Вика – подруга Рамиля, – а это правда, что а балете все через постель?

– Чаще через диван. Иногда через постель, или через стертые коленки. Все, кто добиваются ролей, проходят через это.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.